

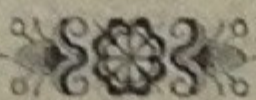
Проф. Т. ФЛОРИНСКІЙ

МАЛОРУССКІЙ ЯЗЫКЪ

И

„УКРАІНСЬКО-РУСЬКІЙ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕПАРАТИЗМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

1900

Дозволено цензурою 13 іюня 1900 г. Кіевь.

Въ настоящей книжкѣ воспроизводятся мои статьи о малорусскомъ языкѣ и новѣйшемъ «українсько-руськомъ» литературномъ движеніи, первоначально появившіяся въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1899 г. (октябрь и ноябрь).

Помимо внесенія разныхъ мелкихъ поправокъ и дополненій въ прежде напечатанный текстъ статей, я счелъ не лишнимъ прибавить еще одну новую (заключительную) главу, въ которой останавливаюсь на вопросѣ о необходимости оказанія скорой и дѣятельной помощи зарубежной Руси въ удовлетвореніи ея насущныхъ духовныхъ нуждъ.

Новѣйшее «українсько-русское» литературное движеніе, средоточіемъ котораго служитъ Галичина, не можетъ не привле-

каты къ себѣ вниманія нашего образованнаго общества. Достаточно вспомнить, что это движеніе въ послѣднемъ своемъ фазисѣ, наблюдаемомъ въ настоящее время, ставитъ для рѣшенія не только въ теоріи, но и въ жизни вопросъ большой важности: одинъ или два научныхъ и образованныхъ языка необходимы русскому народу? Въ виду этого предложенная въ данной книжкѣ скромная попытка дать посильное разъясненіе нѣкоторыхъ сторонъ указаннаго движенія, быть можетъ, не будетъ признана совсѣмъ излишней.

Проф. Т. Флоринскій.

Кіевъ, 31 декабря 1899 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

За послѣднее время какъ въ кіевской печати, такъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ, а равно въ періодическихъ изданіяхъ Галицкой Руси возобновились старыя толки о малорусскомъ языкѣ (нарѣчій) и малорусской литературѣ. Опять заговорили въ печати объ отношеніи малорусскаго языка (нарѣчія) къ другимъ русскимъ нарѣчіямъ и прочимъ славянскимъ языкамъ, о степени пригодности малорусскаго языка (нарѣчія) для роли языка научнаго и образованнаго, о желательности или нежелательности широкаго развитія малорусской литературы и о другихъ тому подобныхъ предметахъ. Такому оживленію въ обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ нельзя не радоваться въ виду представляемой ими важности, и не только съ теоретической, но и съ практической точки зрѣнія. Въ всякаго сомнѣнія, правильное, наиболѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса

во всемъ его объемѣ можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго, спокойнаго и непристрастнаго обсужденія его въ печати. Руководясь главнѣйше этимъ общимъ соображеніемъ, я рѣшаюсь представить на судъ читателей нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ толковъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчій) и малорусской литературѣ. Отчасти къ этому меня побуждаютъ и нѣкоторые личные мотивы, на которые необходимо указать теперь же.

Ближайшимъ поводомъ къ оживленію полемики по малорусскому вопросу послужили два близко меня касающіяся обстоятельства: 1) появленіе въ ноябрьской книгѣ «Университетскихъ Извѣстій» за 1898 г. моей коротенькой критической замѣтки на статью галицкаго ученаго д-ра Ив. Франка *Literatura ukrajinskoruská* (въ чешск. журн. *Slovanský Přehled*) и 2) возбужденный въ началѣ 1899 года львовскимъ «Ученымъ обществомъ имени Шевченка» вопросъ о допущеніи на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ рефератовъ на «українсько-руськомъ» языкѣ. Мои сужденія о малорусскомъ языкѣ и малорусской литературѣ, высказанныя въ означенной коротенькой замѣткѣ, вызвали рядъ возраженій въ «Кіевской Старинѣ», въ статьяхъ редактора В. П. Науменка (1899 г. №№ 1 и 3) и г. К. Михальчука («Что такое малорусская южно-русская рѣчь?», № 8), затѣмъ въ галицко-малорусской газетѣ «Руслан»

и, кажется, еще въ другихъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вопросъ о допущеніи «українсько-руськаго языка» въ занятіяхъ съѣзда не получилъ желательнаго для инициаторовъ этого дѣла разрѣшенія, что въ нѣкоторыхъ русскихъ, галицкихъ и польскихъ газетахъ было приписано главнѣйше моему протесту противъ допущенія малорусскаго языка въ ученыхъ собраніяхъ съѣзда, заявленному въ засѣданіяхъ предварительнаго комитета, при чемъ въ нѣкоторыхъ газетахъ появились упреки по моему адресу за такое именно отношеніе мое къ данному дѣлу.

Такимъ образомъ, помимо указаннаго выше общаго соображенія, для меня возникла настоятельная необходимость отвѣтить на сдѣланныя мнѣ возраженія и упреки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подробнѣе развить и обосновать свои взгляды и положенія, чего я понятно не могъ сдѣлать въ своей первой библиографической замѣткѣ и что однако, также поставлено мнѣ въ вину моими критиками.

Я намѣренъ послѣдовательно остановиться на слѣдующихъ вопросахъ: 1) Что такое малорусская рѣчь? 2) Племенное единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и общерусскій литературный и образованный языкъ. 3) Малорусская литература прежде и теперь; отношенія ея къ общерусской литературѣ. 4) Дѣйствительно ли зарубежная Русь имѣетъ надобность въ созданіи сво-

его особаго научнаго и образованнаго языка вза-
мѣнѣ существующаго общерусскаго? 5) Львов-
ское «Ученое Общество имени Шевченка» и со-
здаваемый имъ научный «українсько-руський»
языкъ. 6) Попытка пропаганды научнаго «укра-
їнсько-руськаго» языка на XI археологическомъ
съѣздѣ. 7) Чѣмъ и какъ помочь зарубежной Руси
въ ея горькой долѣ?

I.

Что такое малорусская рѣчь?

Точнѣе этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ
въ такой формѣ: какое мѣсто занимаетъ мало-
русскій языкъ среди многочисленныхъ языковъ
и нарѣчій славянскаго племени и къ частности—
въ какомъ отношеніи онъ находится въ просто-
народнымъ русскимъ нарѣчіямъ великорусскому
и бѣлорусскому и къ общерусскому литератур-
ному языку? Вполнѣ опредѣленный, категориче-
скій отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ инте-
ресъ не только съ научной точки зрѣнія, но и
съ практической, житейской, такъ какъ степенью
большей или меньшей самостоятельности и обо-
собленности даннаго языка (нарѣчія) среди дру-
гихъ родственныхъ языковъ естественно обусло-
вляется большая или меньшая необходимость
развитія отдѣльной литературы на этомъ языкѣ,
а также тотъ или иной объемъ и характеръ
самой литературы. Одинъ изъ моихъ крити-

ковъ, В. П. Науменко, не признаетъ большого значенія за выводами филологической науки при рѣшеніи вопроса о литературномъ языкѣ. Онъ указываетъ, что «исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей языковъ и нарѣчій, и что помимо филологіи при рѣшеніи вопроса о правѣ на книжный языкъ нужно считаться съ другими науками — социальными». Я готовъ признать это замѣчаніе въ извѣстной степени справедливымъ и въ своемъ мѣстѣ останавлиюсь на немъ подробнѣе, но все же полагаю, что выводы филологіи въ данномъ вопросѣ несомнѣнно имѣютъ важное значеніе, такъ какъ признаю безспорнымъ то положеніе, что два наиболѣе близкихъ между собою языка или нарѣчія, принадлежащихъ къ одной діалектической группѣ, представляютъ меньше внутреннихъ основаній для превращенія каждаго изъ нихъ въ особый литературный языкъ, чѣмъ два языка или нарѣчія, менѣе близкихъ между собой и принадлежащихъ къ двумъ различнымъ діалектическимъ группамъ. Вѣрность этого положенія признаютъ и защитники правъ малорусскаго языка (нарѣчія) на книжную обработку; начиная съ извѣстнаго проф. Е. Огоновскаго, они усердно ищутъ въ филологіи доказательствъ въ пользу отстаиваемой ими отдѣльности и обособленности малорусскаго языка въ семьѣ славянскихъ языковъ. Самъ г. редакторъ «Кіевской

Старины» нашелъ возможнымъ и полезнымъ дать на страницахъ редактируемаго имъ журнала мѣсто статьѣ г. Михальчука, посвященной разсмотрѣнію спорнаго вопроса главнымъ образомъ съ филологической точки зрѣнія. Такимъ образомъ и мнѣ приходится начать съ выводовъ филологіи. Какой же отвѣтъ даетъ современная наука на поставленный выше вопросъ о малорусскомъ языкѣ?

Да, именно тотъ, какой уже былъ приведенъ въ моей замѣткѣ на статью д-ра Ив. Франка «Малорусскій языкъ есть не болѣе какъ одно изъ нарѣчій русскаго языка или, другими словами, онъ составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями.» Выразусь теперь еще точнѣе: малорусскій языкъ (нарѣчіе) на ряду съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ народными нарѣчіями и общерусскимъ литературнымъ языкомъ принадлежитъ къ одной русской діалектической группѣ, которая лишь въ полномъ своемъ составѣ можетъ быть противопоставлена другимъ славянскимъ діалектическимъ группамъ соотвѣтствующаго объема, какъ-то: польской, чешской, болгарской, сербо-хорватской, словинской и друг. Тѣсная внутренняя связь и близкое родство между малорусскимъ языкомъ съ одной стороны и великорусскимъ, бѣлорусскимъ и общерусскимъ литературнымъ языками съ другой настолько очевидны, что выдѣленіе малорусскаго изъ русской діалек-

тической группы въ какую-либо особую группу въ такой же степени немислимо, въ какой немислимо и выдѣленіе, напр., великопольскаго, силезскаго и мазурскаго нарѣчій изъ польской діалектической группы, или моравскаго нарѣчія—изъ чешской діалектической группы, или руналанскаго нарѣчія изъ болгарской діалектической группы. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими выводами сравнительнаго славянскаго языкознанія находится и не подлежащее спору основное положеніе славянской этнографіи, на которое я также уже ссылался въ упомянутой выше статьѣ. «Малоруссы въ этнографическомъ отношеніи представляютъ не самостоятельную славянскую особь (въ противоположность, напр., чехамъ, полякамъ, болгарамъ или сербо-хорватамъ), а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русскимъ народомъ. Въ составъ ея входятъ на ряду съ малоруссами великоруссы и бѣлоруссы. Въ частныхъ сторонахъ и явленіяхъ своей жизни, въ языкѣ, бытѣ, народномъ характерѣ и исторической судьбѣ малоруссы представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей, но при всемъ томъ они всегда были и остаются частью одного цѣлаго—русскаго народа.» Фактъ цѣлости и единства русскихъ нарѣчій въ смыслѣ принадлежности ихъ къ одной діалектической группѣ считается въ современной наукѣ истиной, не требующей доказательствъ. Въ подтвержденіе справед-

ливости данной мысли достаточно указать, что въ научное понятіе «русскаго языка» на ряду съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями и общерусскимъ литературнымъ языкомъ непрерывно входитъ и малорусское нарѣчіе (языкъ), подобно тому, какъ понятіе «русскій народъ» не только въ житейскомъ словоупотребленіи, но и въ научномъ смыслѣ обнимаетъ не однихъ великоруссовъ и бѣлоруссовъ, но непрерывно и малоруссовъ. Такъ, научная «исторія русскаго языка» въ трудахъ авторитетнѣйшихъ представителей славянскаго и русскаго языкознанія И. И. Срезневскаго, А. А. Потебни, Колосова, А. П. Соболевскаго, И. В. Ягича, А. А. Шахматова и др. имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе судебъ не только книжнаго русскаго языка, но и простонародныхъ нарѣчій—великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго съ ихъ разнообразными говорами. Подъ «русской діалектологіей» разумѣется тотъ отдѣлъ русскаго языкознанія, который вѣдаетъ систематическое изученіе всѣхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ и въ томъ числѣ непрерывно малорусскихъ. Подобнымъ образомъ и «русская этнографія», по опредѣленію А. Н. Пышина, «обнимаетъ не только великорусскую и бѣлорусскую этнографію, но и малорусскую». Тотъ же ученый разсматриваетъ малорусскую литературу Южной Руси, Галиціи и Буковины какъ частную литературу русскаго языка. («Исторія слав. литер.» т. I).

Для большей ясности сказаннаго привожу нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій выдающихся изслѣдователей русскаго языка. И. И. Срезневскій, извѣстный знатокъ не только русскаго языка, но и прочихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ замѣчательнѣйшемъ своемъ сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій» (изд. 2-е, Спб. 1889, стр. 34—35), между прочимъ, говоритъ слѣдующее о рускомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ: «Давни, но не испоконни черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчія сѣверное и южное—великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное—собственно великорусское и западное—бѣлорусское, а на югѣ нарѣчія восточное—собственно малорусское и западное—русинское, карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій русскихъ. Конечно, всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только оттѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства русскаго языка и народа. Ихъ несходство вовсе не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращалъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоровъ въ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, напр., въ языкѣ италіанскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, въ нарѣчій хорутанскомъ, словацкомъ, сербо-лужиц-

комъ, польскомъ.» Глубочайшій изслѣдователь русскаго языка на почвѣ сравнительнаго славянскаго языкознанія, А. А. Потебня, всегда относившійся съ горячимъ сочувствіемъ къ малорусскому языку (нарѣчію) въ одномъ изъ своихъ сочиненій пишетъ: «Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя, теперешнія русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ... Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самаго великорусскаго нарѣчія на сѣверо-великорусское и южно-великорусское, и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга.» (Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, стр. 138). П. И. Житецкій въ своемъ изслѣдованіи объ исторіи звуковъ малорусскаго языка, пришедшій къ выводу, что «главныя черты малорусскаго вокализма въ XII—XIII ст. вполне обнаружились», дѣлаетъ такое заключеніе объ общемъ происхожденіи русскихъ нарѣчій: «Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго пра-

языка выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кіевской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волинскій. Тотъ же процессъ образованія мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія»... («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія». К. 1876, стр. 264). М. А. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ данныя изъ области великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій и, между прочимъ, пишетъ: «Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ та научная истина, что русскій языкъ представлялъ нѣкогда единую цѣльную лингвистическую особь», которая впоследствии распалась на три нарѣчія: великорусское, бѣлорусское и малорусское (253, 264). Проф. А. И. Соболевскій, авторитетнѣйшій среди современныхъ изслѣдователей русскаго языка, снискавшій себѣ почетную извѣстность въ славянскомъ ученомъ мірѣ своими замѣчательными систематическими обзорами исторіи русскаго языка и русскою діалектологіи, такими чертами характеризуетъ цѣлость и единство русскихъ нарѣчій: «Русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ представляетъ единое цѣлое.— Исторія русскаго языка, отличающагося вообще

значительнымъ консерватизмомъ (сравните исторію языковъ чешскаго и болгарскаго), за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому, какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка вполне сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что не можетъ быть вопроса относительно ни одного изъ нихъ, не слѣдуетъ ли его считать говоромъ не русскимъ, а на примѣръ—польскимъ или словацкимъ. Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то объ единствѣ древнерусскаго языка, на примѣръ XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно, не можетъ быть даже и вопроса.—«Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.» (Лекціи по исторіи русскаго

языка. Изд. 2-е, Спб. 1891, стр. 1.—2). Академикъ А. А. Шахматовъ въ своей новѣйшей, весьма цѣнной работѣ по вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей, между прочимъ, приходитъ къ такому выводу: «Русскій языкъ еще въ доисторическое время распался на три группы говоровъ: сѣверно-русскую, средне-русскую и южно-русскую. Средне-русская группа состояла изъ двухъ вѣтвей—западной и восточной; южно-русская группа дѣлилась на двѣ же вѣтви—сѣверную и южную.» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., Апрель, стр. 328). Академикъ И. В. Ягичъ въ самое недавнее время, въ своемъ журналѣ по славянской филологіи, высказалъ слѣдующее категорическое сужденіе о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ нарѣчій: «Что всѣ русскія нарѣчія въ отношеніи къ прочимъ славянскимъ языкамъ (кому не нравится выраженіе «нарѣчіе», можетъ замѣнить его словомъ «языкъ»,—въ наукѣ это—второстепенное дѣло) составляютъ одно цѣлое, отличающееся многими замѣчательными чертами внутренняго единства, это для языковѣдовъ не представляетъ спорнаго вопроса.» (Archiv für Slavische Philologie 1898. Bd. XX. 1. 33 *).

*) Считаю нужнымъ привести это сужденіе знаменитаго славянскаго ученаго въ подлинникѣ: «Dass alle russischen Dialecte gegenüber den übrigen slavischen Dialecten—wem

И такъ, въ настоящее время не можетъ быть никакихъ сомнѣній, никакихъ споровъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ малорусскій языкъ (нарѣчіе) въ семьѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій. Вопросъ этотъ уже рѣшенъ наукой достаточно ясно и опредѣленно. Мое сужденіе о малорусскомъ языкѣ, высказанное въ вышеупомянутой замѣткѣ о статьѣ д-ра И. Франка, воспроизводитъ лишь общепризнанный въ наукѣ взглядъ. Тѣмъ удивительнѣе для меня было встрѣтить

der Ausdruck Dialect nicht gefällt, kann dafür Sprache sagen, in der Wissenschaft ist das Nebensache—ein Ganzes bilden, mit vielen merkwürdigen Zügen einer inneren Einheit ausgestattet, das bildet unter Sprachforschern keine Streitfrage. Дѣлаю эту ссылку главнѣйше въ виду того, что одинъ изъ моихъ критиковъ, г. Михальчукъ нашелъ, что мнѣніе ак. Ягича о данномъ предметѣ «выражено въ этой цитатѣ съ недостаточной ясностью и даже съ нѣкоторымъ замѣтнымъ увлеченіемъ идеей единства русскихъ нарѣчій», и что оно не имѣетъ того смысла, какой приписывается ему мной («малорусское нарѣчіе составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями»). Г. критикъ предлагаетъ свой переводъ этой цитаты, который дѣйствительно не отличается ясностью и значительно искажаетъ настоящій смыслъ словъ академ. Ягича. Вотъ этотъ переводъ: «Что всѣ русскія нарѣчія сравнительно (?) съ остальными славянскими нарѣчіями,—если не нравится слово нарѣчіе, можно употреблять вмѣсто него слово языкъ, это для науки дѣло постороннее,—многими замѣтными (?) чертами своими образуютъ въ цѣломъ (?) одно внутреннее единство, это не составляетъ спорнаго вопроса въ языковѣдѣніи.»

рѣзкое осужденіе этого взгляда на страницахъ такого солиднаго научнаго журнала, какимъ считается «Кіевская старина».

Г. К. Михальчукъ въ своей статьѣ «Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь?», направленной столько же противъ меня, сколько и противъ проф. С. К. Булича, дерзнувшаго назвать малорусскую рѣчь «нарѣчіемъ», становится на одну точку зрѣнія съ нѣкоторыми галицкими публицистами, которые, не считая нужнымъ справляться съ выводами славянскаго языкознанія, не перестаютъ твердить при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о полной «самостоятельности» и «отрубности» малорусскаго языка. Съ одной стороны онъ оспариваетъ правильность моихъ вышеизложенныхъ сужденій о малорусскомъ языкѣ, съ другой противопоставляетъ имъ свои сужденія, въ которыхъ проводитъ ту мысль, что малорусскій языкъ занимаетъ такое же самостоятельное мѣсто въ семьѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій, какое занимаютъ, напр., польскій и чешскій языки въ сѣверо-западной группѣ, или болгарскій и сербо-хорватскій—въ юго-западной. По его представленію, взаимныя отношенія малорусскаго и великорусскаго нарѣчій, предполагающихъ общее происхожденіе отъ одного посредствующаго языка (восточно-славянскаго), вполне соотвѣтствуютъ взаимнымъ отношеніямъ чешскаго и польскаго, восходя-

щихъ къ одному общему западно-славянскому языку или взаимнымъ отношеніямъ болгарскаго и сербо-хорватскаго, опять предполагающихъ существованіе общаго южно-славянскаго языка.

Что можно сказать по поводу возраженій и разсужденій автора, занимающихъ значительное мѣсто въ его статьѣ? Очень немногое: и тѣ, и другія не основательны и не научны.

Что касается возраженій г. Михальчука, направленныхъ противъ меня, то они нисколько не колеблютъ высказаннаго мною общепринятаго въ наукѣ положенія, такъ какъ основаны на какомъ-то странномъ недоразумѣніи, источникъ котораго, повидимому, лежитъ въ недостаточномъ знакомствѣ автора съ современнымъ состояніемъ науки славянскаго языкознанія, съ новѣйшими ея данными и выводами, съ ея терминологіей и, въ частности, съ указаннымъ выше рѣшеніемъ разсматриваемаго вопроса. Г. Михальчукъ, очевидно, не вполне понялъ смыслъ моихъ сужденій о малорусскомъ языкѣ, какъ не понялъ и вышеприведеннаго вполне яснаго сужденія академика Ягича объ единствѣ русскихъ нарѣчій, и на почвѣ этого непониманія и ведется имъ весь споръ. Онъ начинаетъ съ длиннаго, довольно отвлеченнаго разсужденія объ условномъ значеніи въ лингвистикѣ терминовъ «языкъ» и «нарѣчіе», о допущенномъ мною будто бы неправильномъ толкованіи термина

«нарѣчіе» и еще болѣе неправильномъ примѣненіи его къ малорусской рѣчи. «Проф. Буличъ и проф. Флоринскій, говоритъ г. К. Михальчукъ, придаютъ «очевидно» терминамъ «языкъ» и «нарѣчіе» совсѣмъ особое значеніе, понимая ихъ, повидимому, въ извѣстномъ безотносительномъ смыслѣ и связывая съ ними представленія о двухъ какихъ-то безусловно неравныхъ языковыхъ величинахъ по самому существу ихъ внутренней природы. По крайней мѣрѣ они требуютъ строгаго различенія этихъ терминовъ въ случаѣ примѣненія ихъ къ той или иной языковой величинѣ. Въ особенности они категорически настаиваютъ на возможности примѣненія одного лишь изъ этихъ терминовъ, именно термина «нарѣчіе» къ малорусской рѣчи, считая и ненаучнымъ, и незаконнымъ присвоеніе ей термина «языкъ.» («Кіевская Старина» 1899 г., Авг., стр. 137—138). Не мое дѣло защищать здѣсь проф. Булича. Что же касается взводимыхъ на меня обвиненій, то не могу не признать ихъ напраслиной. Термины «языкъ» и «нарѣчіе» я употребляю въ чисто условномъ значеніи, т. е. такъ, какъ считаетъ нужнымъ мой критикъ; именно я примѣняю безразлично тотъ и другой терминъ къ одной и той же лингвистической особи, когда она разсматривается какъ таковая безъ отношенія къ другимъ сроднымъ лингвистическимъ особямъ, при чемъ не только

не отнимаю у малорусской рѣчи права именоваться языкомъ, но, напротивъ, постоянно присвоиваю ей этотъ терминъ; если же дѣло идетъ о выясненіи взаимныхъ отношеній лингвистическихъ особей, то оба термина имѣютъ у меня болѣе опредѣленный смыслъ согласно установившимся требованіямъ лингвистической терминологіи, т. е. слово «языкъ» имѣетъ родовое значеніе, «нарѣчіе»—видовое. Все это явствуетъ какъ нельзя лучше изъ той моей фразы, противъ которой собственно и направлены возраженія г. Михальчука: «Малорусскій языкъ есть не болѣе какъ одно изъ нарѣчій русскаго языка.» Въ данномъ случаѣ терминъ «русскій языкъ», конечно, служитъ для обозначенія родового понятія, какъ это видно изъ дальнѣйшаго поясненія, слѣдующаго въ моемъ текстѣ за приведенной фразой. Въ составъ этого родового понятія входятъ видовыя понятія, обозначаема терминами «нарѣчіе». Другими словами, подъ именемъ русскаго языка въ наукѣ разумѣется цѣлая группа близко родственныхъ діалектическихъ единицъ, которыя естественно назвать русскими нарѣчіями, а именно нарѣчія великорусское, бѣлорусское, малорусское и книжное обще-русское (т. н. «литературный обще-русскій языкъ»—языкъ русской науки, литературы, общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ образованныхъ классовъ русскаго обще-

ства). Такимъ образомъ, сущность дѣла не въ наименованіи малорусской рѣчи языкомъ или нарѣчіемъ, а въ признаніи близкаго родства ея съ прочими русскими нарѣчіями и принадлежности ея вмѣстѣ со всѣми ими къ одной общей діалектической группѣ, что дѣлаетъ невозможнымъ противоположеніе малорусскаго языка, какъ разновидности или вѣтви болѣе крупной лингвистической особи, другимъ такимъ же крупнымъ лингвистическимъ особямъ: языку чешскому, болгарскому и т. д. Такой именно смыслъ имѣетъ и нижеслѣдующая моя фраза, повергшая г. К. Михальчука въ крайнее недоумѣніе и негодованіе: «Старое мнѣніе Миклошича, отводившее малорусскому языку самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, въ настоящее время не выдерживаетъ критики.» Дѣйствительно, въ списокъ славянскихъ языковъ, понимая этотъ терминъ въ смыслѣ родовыхъ язычныхъ категорій, малорусская рѣчь не занимаетъ какого-либо особаго или самостоятельнаго мѣста на ряду съ языками польскимъ, чешскимъ, сербо-лужицкимъ, болгарскимъ и др., а входитъ въ составъ той категоріи, которая носитъ названіе русскаго языка. Вотъ этой точки зрѣнія не хочетъ или не умѣетъ понять мой критикъ.

Такое же недоумѣніе вызываетъ и дальнѣйшее, столь же мало основательное обвиненіе,

вводимое на меня г. Михальчукомъ. Къ удивленію моему, г. критикъ говоритъ слѣдующее (стр. 156): «Между тѣмъ проф. Флоринскій, говоря въ назиданіе д-ру Франку, что будто бы новѣйшіе филологи, а главнымъ образомъ акад. Ягичъ «считаютъ безспорнымъ положеніе, что малорусскій языкъ составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями», понимаетъ, если не ошибаемся, данное положеніе въ томъ смыслѣ, что всѣ русскія нарѣчія представляютъ чуть ли не полное конкретное и индивидуальное тождество.» Смѣю увѣрить г. Михальчука, что онъ дѣйствительно «ошибается», такъ какъ мнѣ никогда и въ голову не приходила приписываемая мнѣ странная мысль «о полномъ конкретномъ и индивидуальномъ тождествѣ всѣхъ русскихъ нарѣчій». Я всегда признавалъ и признаю, что малорусское нарѣчіе (языкъ) многими весьма любопытными особенностями отличается отъ другихъ русскихъ нарѣчій, чѣмъ собственно и опредѣляется существованіе его какъ особой разновидности или вѣтви русскаго языка; признаю и то, что малорусское нарѣчіе не менѣе древне, чѣмъ великорусское, и что вообще происхожденіе діалектическихъ различій въ русскомъ языкѣ относится къ глубокой древности; но въ то же время (вмѣстѣ со всѣми новѣйшими авторитетными изслѣдователями) полагаю, что какъ эти частныя отличія, такъ и древность

нѣкоторыхъ изъ нихъ отнюдь не мѣшаютъ признанію единства и цѣлости всѣхъ русскихъ нарѣчій. Единство это я представляю себѣ въ томъ видѣ, какъ представляетъ его себѣ и акад. Ягичъ, мнѣнія котораго также никакъ не можетъ понять г. Михальчукъ: оно выражается въ существованіи большого количества характерныхъ фонетическихъ и морфологическихъ признаковъ (не говоря уже объ общихъ лексическихъ и синтаксическихъ особенностяхъ), одинаково свойственныхъ всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ. Итакъ, возраженія г. критика не затрагиваютъ сущности разбираемаго вопроса и лишь свидѣтельствуютъ, по собственному его признанію, о непониманіи имъ точки зрѣнія на предметъ, выраженной въ моей статьѣ и находящейся въ полномъ согласіи съ выводами современной науки.

Причину такого страннаго непониманія дѣла г. Михальчукомъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что въ данномъ вопросѣ онъ стоитъ на своей точкѣ зрѣнія и твердо держится своего особаго вышеуказаннаго мнѣнія объ «отдѣльности» и «самостоятельности» малорусскаго языка. Для выясненія спора автору, конечно, слѣдовало бы не ограничиваться критикой отвергаемаго научнаго положенія, а заняться болѣе подробнымъ обоснованіемъ противопоставляемаго имъ другого мнѣнія. Къ сожалѣнію, въ данной

статьѣ г. К. Михальчука этого не видно. Никакихъ новыхъ доводовъ и вѣскихъ соображеній въ пользу указываемаго имъ обособленнаго или самостоятельнаго положенія малорусскаго языка въ семьѣ славянскихъ языковъ онъ не приводитъ, да и мнѣніе свое объ этомъ высказываетъ вскользь, очевидно, считая только это мнѣніе дѣйствительно научнымъ, а положеніе объ единствѣ русскихъ нарѣчій, блестяще доказанное Срезневскимъ, Потебней, Соболевскимъ и Ягичемъ, — чѣмъ-то еретическимъ, далекимъ отъ истины. Однако, о степени научной цѣнности собственнаго взгляда г. Михальчука можно судить уже по тому, что въ основаніи его лежитъ устарѣвшая теперь гипотеза А. Шлейхера, на основаніи которой онъ представляетъ себѣ происхожденіе и взаимное отношеніе славянскихъ языковъ въ видѣ родословнаго дерева. «Да, говоритъ онъ, въ наукѣ принято считать установленнымъ, что не только въ обще-русскомъ, но и въ обще-западно-славянскомъ и въ обще-южно-славянскомъ языкахъ діалектическія разновидности появились лишь послѣ отдѣленія этихъ общихъ языковъ отъ праславянскаго языка.» Авторъ, повидимому, и не догадывается, что современная наука въ лицѣ выдающихся ея представителей уже отвергла тезисъ Шлейхеровой теоріи о посредствующихъ общихъ языкахъ (Grundsprache), въ частности считаетъ недока-

заннымъ существованіе когда-либо обще-западно-славянскаго и обще-южно-славянскаго языковъ и признаетъ (согласно гипотезѣ Юг. Шмидта) болѣе достовѣрнымъ предположеніе о происхожденіи всѣхъ крупныхъ лингвистическихъ особей, т. е. языковъ русскаго, польскаго, чешскаго, болгарскаго и др. непосредственно изъ славянскаго праязыка. При послѣднемъ взглядѣ на дѣло, конечно, теряютъ значеніе указываемыя г. Михальчукомъ аналогіи между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями (какъ вѣтвями общаго восточно-славянскаго языка) съ одной стороны и чешскимъ, польскимъ, сербо-лужицкимъ (какъ разновидностями мнимаго обще-западно-славянскаго языка) или болгарскимъ, сербо-хорватскимъ, славянскимъ (какъ разновидностями мнимаго обще-южно-славянскаго языка) — съ другой. Къ тому же, современное сравнительное изученіе славянскихъ языковъ безповоротно выяснило, что, помимо всего прочаго, разстояніе между отдѣльными языками какъ западной, такъ и южной группы неизмѣримо дальше, чѣмъ между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями. Взглядъ, котораго держится г. Михальчукъ на отношеніе малорусскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ, въ настоящее время является страннымъ анахронизмомъ. Старые представители этого взгляда, нынѣ уже покойные профессора Фр. Миклошичъ и Е. Огоновскій, въ

данномъ вопросѣ не должны служить авторитетомъ для новѣйшихъ изслѣдователей. Фр. Миклошичъ, раздѣлившій въ своей «Сравнительной Грамматикѣ» русскій языкъ на два отдѣльных языка, въ сущности, отнюдь не былъ глубокимъ знатокомъ ни исторіи русскаго языка, ни русской діалектологіи. Довольно сказать, что въ Россіи онъ никогда не былъ и живой русской рѣчи совсѣмъ не зналъ. Сверхъ того, Миклошичъ вообще не былъ непогрѣшимъ во многихъ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ. Въ той же самой «Сравнительной Грамматикѣ» помимо раздвоенія русскаго языка онъ выставилъ рядъ общихъ положеній, которыя въ настоящее время уже отвергнуты наукой. Таковы, напр., его положенія о полной отдѣльности хорватскаго языка отъ сербскаго, о наибольшей близости бѣлорусскаго нар. къ малорусскому, а не къ великорусскому, и друг. Что касается проф. Ем. Огоновскаго, ученика Фр. Миклошича, то его общія сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ нарѣчій научная критика единодушно признала несостоятельными (Ср. напр. Arch. f. slav. Phil. Bd. XX, 1, 26—27 и А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 332 и слѣд.).

Подвожу итоги всему разсужденію. Вопросъ о мѣстѣ малорусской рѣчи въ научной классификаціи славянскихъ языковъ нужно считать окончательно рѣшеннымъ. Малорусская рѣчь,

называть ли ее языкомъ или нарѣчіемъ, составляетъ со всѣми прочими русскими нарѣчіями нѣчто единое и цѣлое, т. е. принадлежитъ вмѣстѣ съ великорусскимъ, бѣлорусскимъ и обще-русскимъ литературнымъ нарѣчіями къ одной диалектической группѣ, обозначаемой терминомъ русскій языкъ. Мнѣніе, признающее самостоятельность и отдѣльность малорусскаго нарѣчія и отводящее ему въ семьѣ славянскихъ языковъ такое же мѣсто, какое занимаютъ южные и западные языки, не имѣетъ для себя прочной опоры въ современной наукѣ. Такимъ образомъ, при обоснованіи права малорусскаго языка на широкую книжную обработку всякія ссылки на аналогіи чешскаго, польскаго или сербо-хорватскаго языка нужно считать неправильными и неумѣстными. Защитники этого права должны разъ навсегда отказаться отъ надежды получить какую-либо поддержку своимъ стремленіямъ отъ сравнительнаго славянскаго языкознанія. Выводы этой науки скорѣе противъ нихъ, чѣмъ за нихъ.

II.

Племенное единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и обще-русскій литературный и образованный языкъ.

Безспорно, языкъ представляетъ собой одну изъ важнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ особенностей въ ряду другихъ чертъ, которыми обыкновенно опредѣляется каждая этническая особь человѣческаго рода. Народы различаются между собой прежде всего по языку и на основаніи большаго или меньшаго сходства своей разговорной рѣчи распредѣляются въ тѣ или инныя этническія группы. Съ этой стороны близкое племенное родство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, какъ уже было разъяснено выше, не подлежитъ никакому спору: современная наука точно установила фактъ цѣлости и единства всѣхъ русскихъ нарѣчій въ смыслѣ принадлежности ихъ къ одной и той же лингвистической категоріи—русскому языку. Но

столь же несомнѣнно единство всѣхъ трехъ вѣтвей русскаго народа въ отношеніи другихъ этническихъ чертъ, какъ то: народныхъ преданій, повѣстей, сказокъ, повѣрій, пѣсенъ, обрядовъ, быта семейнаго и общественнаго, свойствъ физическихъ и душевныхъ и т. п. Конечно, каждая изъ русскихъ народностей во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляетъ и свои индивидуальныя черты, такъ какъ иначе нельзя было бы и говорить о существованіи какихъ-либо разновидностей даннаго народа или племени; но вмѣстѣ съ тѣмъ у великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ наблюдается такое множество общихъ этническихъ особенностей, что на всѣ три народности нельзя смотрѣть иначе, какъ на части одного цѣлаго—русскаго народа. Последнее положеніе давно уже стало аксіомой въ жизни и наукѣ. Не признаютъ его только нѣкоторые галицкіе ученые и публицисты и наши украинофилы, желающіе видѣть въ великоруссахъ и малоруссахъ непремѣнно два совершенно самостоятельныхъ и рѣзко отличающихся между собой народа. Къ нимъ примыкаетъ и г. Михальчукъ, выступившій на страницахъ «Кіевской Старины» съ опроверженіемъ даннаго положенія, въ которомъ онъ видитъ не болѣе, какъ мое личное «усмотрѣніе». Г. критикъ рекомендуетъ моему вниманію статью Н. И. Костомарова «Двѣ русскія народности», въ которой, по его сло-

вамъ «покойный историкъ устанавливаетъ столь глубокія разницы въ историческомъ, бытовомъ и психологическомъ отношеніяхъ между сказанными двумя русскими народностями, что онѣ доходятъ почти до полнаго контраста между ними и едва ли въ такой степени встрѣчаются между народностями другихъ отраслей славянскаго племени» (182). Затѣмъ г. К. Михальчукъ ссылается на статьи проф. Д. Н. Анучина «Великоруссы» и «Малоруссы» (въ Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона), въ которыхъ говорится о физическихъ и этнографическихъ отличіяхъ малоруссовъ отъ великоруссовъ, и, наконецъ, отмѣчаетъ фактъ проявленія «типическихъ чертъ въ высокой степени оригинальной и рѣзко очерченной индивидуальности народной въ событіяхъ всей исторической жизни южно-русскаго народа, отъ самаго ея начала и до настоящаго времени».

Однако, присматриваясь ко всѣмъ даннымъ, на которыя ссылается г. К. Михальчукъ, и даже допуская, что онѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣла и лишены всякой субъективной окраски (что едва ли такъ), я не могу не поставить такого вопроса: какой же собственно выводъ вытекаетъ изъ этихъ данныхъ? Да никакого другого, кромѣ слѣдующаго: малоруссы не совсѣмъ то, что великоруссы; великоруссы не совсѣмъ похожи на малоруссовъ; каждая изъ

этихъ вѣтвей русскаго народа представляетъ свои любопытныя этнографическія особенности. Но этого вывода вѣдь никто и не отрицаетъ; никто и не оспариваетъ факта извѣстнаго разнообразія въ русскомъ племенномъ типѣ. Дѣло лишь въ томъ, что такое разнообразіе нисколько не мѣшаетъ единству русскаго народа. Вѣдь абсолютнаго единства и не существуетъ въ природѣ; оно всегда заключаетъ въ себѣ и элементы разнообразія. Напримѣръ, никому и въ голову не придетъ отрицать единство данной семьи потому, что одни члены ея имѣютъ свѣтлые волосы, другіе — темные, одни съ большою охотой занимаются музыкой, пѣніемъ или литературой, а другіе — предпочитаютъ болѣе практическую дѣятельность, одни отличаются болѣе ровнымъ и спокойнымъ характеромъ, другіе, напротивъ, вспыльчивы и раздражительны и т. д. Вотъ такого единства въ разнообразіи не понимаютъ или не хотятъ понять сторонники украинофильскихъ тенденцій. Но въ ошибочности ихъ взглядовъ легко убѣдиться, если, оставивъ въ сторонѣ великоруссовъ и малоруссовъ, обратить вниманіе на другіе славянскіе народы, напр., на поляковъ, чеховъ, болгаръ, сербо-хорватовъ. Въ средѣ каждаго изъ этихъ народовъ мы встрѣчаемся съ не меньшимъ этническимъ разнообразіемъ, чѣмъ въ средѣ русскаго народа. Такъ, мазуры, слезаки, горали не только по своимъ

нарѣчіямъ, но и по физическому типу и душевнымъ особенностямъ, и по образу жизни, и по обычаямъ значительно отличаются отъ малополянъ и великополянъ, и, однако, никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ эти народности составляютъ одинъ польскій народъ. Еще болѣе характерныхъ этнографическихъ отличій находимъ между типическими разновидностями сербо-хорватскаго народа — сербами королевства и черногорцами, далматинцами и босняками, приморскими хорватами и славонцами. Равнымъ образомъ и мораване, особенно наиболѣе типическіе представители ихъ валахи и ганаки, не совсѣмъ похожи на западныхъ чеховъ и тѣмъ не менѣе составляютъ съ ними одно этническое цѣлое. Значительное разнообразіе въ отношеніи языка, обычаявъ, одежды, образа жизни, психическихъ особенностей представляютъ славянскія племена восточной половины Балканскаго полуострова, обитатели Родопъ и долины Марицы, Балканъ и Придунайской Болгаріи, окрестностей Витоша и Рыла, и, несмотря на всѣ эти частныя этническія отличія, всѣ эти племена признаются разновидностями одного и того же болгарскаго народа.

Въ частности по поводу ссылки на статью Н. И. Костомарова «Двѣ русскія народности» считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Предложенная въ этой статьѣ характеристика двухъ отраслей русскаго народа, на мой взглядъ,

отнюдь не даетъ основанія заключать о «почти полномъ контрастѣ между ними», какъ это представляется г. К. Михальчуку. Напротивъ, мнѣ всегда казалось, что этническія, бытовые и психическія черты, которыя покойный историкъ присвоиваетъ каждой изъ русскихъ народностей, взаимно дополняютъ однѣ другія и въ своей совокупности служатъ для характеристики цѣльнаго русскаго этническаго типа. Такъ, между прочимъ, смотрѣлъ на дѣло величайшій и геніальнѣйшій изъ малоруссовъ Н. В. Гоголь. Въ письмѣ къ А. О. Смирновой въ 1844 г. онъ пишетъ: «Скажу вамъ одно слово насчетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,—явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись

во-едино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ.» (Ср. Н. И. Петровъ. «Очерки Украинской литературы XIX ст.» Кіевъ. 1884. Стр. 201). Во всякомъ случаѣ, Н. И. Костома-ровъ, противопоставляя малоруссовъ великоруссамъ, говоритъ отнюдь не о двухъ обособленныхъ народахъ, а о двухъ русскихъ народностяхъ, т. е. о двухъ разновидностяхъ русскаго народа, между которыми признаетъ самую тѣсную связь и близкое племенное и культурное родство. Это видно особенно ясно изъ другой его работы, помѣщенной въ томъ же (первомъ) томѣ «Историческихъ монографій и изслѣдованій», гдѣ находится и упомянутая статья «Двѣ русскія народности». Я разумѣю его «Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси». Установивъ положеніе, «что въ первой половинѣ нашей исторіи, въ періодъ удѣльновѣчевого уклада, народная стихія обще-русская является въ совокупности шести главныхъ народностей (южно-русской, сѣверской, великорусской, бѣлорусской, исконской и новгородской)», авторъ затѣмъ говоритъ: «Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которыя условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и должны были носить названіе общей Русской земли, принадлежали къ одному общему составу, и признавали эту связь, несмотря на обстоятель-

ства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.» Этими началами, по мнѣнію Н. И. Костомарова, были: происхожденіе, бытъ и языкъ, единый княжескій родъ, христіанская вѣра и единая церковь (Историч. моногр., т. I, 1863, стр. 24).

Итакъ, этническое единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ составляетъ неоспоримый фактъ, фактъ науки и жизни, отрицаніе котораго на страницахъ ученаго журнала нужно считать по меньшей мѣрѣ страннымъ недоразумѣніемъ. При этомъ особенно важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что племенное единство русскихъ народностей не только существуетъ какъ явленіе природы, которое можетъ быть предметомъ ежедневнаго наблюденія и изученія, но всегда жило и живетъ въ сознаніи самихъ народностей. Крѣпко было это сознаніе въ древней Руси, не заглохло оно въ тяжелые вѣка политическаго разобщенія русскаго сѣвера и юга и яркимъ пламенемъ вспыхнуло въ XVII в., когда въ эпоху Богдана Хмельницкаго облегчало сліяніе Малой и Великой Руси въ одно государство. Наконецъ, и въ настоящее время племенное единство живо сознается всѣми вѣтвями русскаго народа, не исключая и зарубежной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), находящейся въ крайне тяжелыхъ условіяхъ политическаго и національнаго существованія.

Крѣпости сознанія племенного единства какъ у великоруссовъ, такъ у малоруссовъ и бѣлоруссовъ содѣйствовало и содѣйствуетъ единство вѣры и связанная съ этимъ общность многихъ основныхъ началъ образованности.

Фактъ этническаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа—великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ—самъ по себѣ, независимо отъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, предполагаетъ единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи русскій народъ долженъ былъ слѣдовать тому общему закону культурнаго развитія, которому слѣдовали и другіе великіе народы Европы стараго и новаго времени,—греки, римляне, французы, нѣмцы, англичане и италіанцы,—создавшіе свои общіе литературные языки, которые съ теченіемъ времени получили міровое значеніе. Вышнія политическія обстоятельства только содѣйствовали естественному ходу вещей, намѣчая пути и направленія, по которымъ должно было двигаться великое дѣло созданія книжнаго единенія для всѣхъ частей русскаго народа. Сплоченіе въ одномъ могущественномъ государствѣ всѣхъ разновидностей русскаго народа (за исключеніемъ 3¹/₂ милліоновъ австро-угорскихъ малоруссовъ) облегчило и узаконило образованіе общаго для всѣхъ ихъ литературнаго языка.

Въ настоящее время русскій народъ и обла-

даетъ такимъ общимъ литературнымъ языкомъ, которому съ полнымъ правомъ присвоается название обще-русскаго. Всѣ вѣтви русскаго народа одинаково имъ пользуются какъ языкомъ школы, науки, литературы и общественной жизни. Только среди трехъ съ половиной милліоновъ малоруссовъ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси наблюдаются болѣе или менѣе значительныя помѣхи широкому употребленію нашего обще-русскаго литературнаго языка, но и тамъ онъ имѣетъ не мало своихъ почитателей и сторонниковъ. Зато, значеніе обще-русскаго языка распространяется далеко за предѣлы этнографической Руси. Служа органомъ богатой научной и художественной литературы, снискавшей себѣ извѣстность и уваженіе у величайшихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, онъ исполняетъ роль языка образованнаго у многочисленныхъ не-русскихъ народовъ, входящихъ въ составъ Русскаго государства, все болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе южныхъ и западныхъ славянъ и по площади распространенія не уступаетъ ни одному другому міровому языку.

Развитіе обще-русскаго литературнаго языка имѣетъ свою длинную исторію, главные фазисы которой находятъ себѣ соотвѣтствіе въ тысячелѣтнемъ ходѣ политической и культурной жизни русскаго народа. Русскій книжный и образованный языкъ создавался постепенно въ теченіе

длиннаго ряда столѣтій, при живомъ участіи всѣхъ вѣтвей русскаго народа, изъ которыхъ каждая внесла изъ своего діалектическаго разнообразія свою лепту въ обще-русскую духовную сокровищницу. Въ древнемъ періодѣ (X в.—XIV в.) въ письменности господствовалъ языкъ церковно-славянскій или т. н. славяно-русскій языкъ, служившій однимъ изъ главныхъ средствъ культурнаго единенія дробныхъ русскихъ племенъ, мелкихъ княжествъ и народоправствъ. Только въ памятникахъ изъ сферы юридической и государственной выступаетъ въ болѣе чистомъ видѣ живая народная рѣчь, при томъ съ различными діалектическими отбѣнками. Однако, въ этотъ періодъ ни одинъ изъ областныхъ діалектовъ не получилъ гегемоніи надъ прочими и не возвысился до роли самостоятельнаго языка. Зато, между всѣми ими поддерживался самый живой и непрерывный взаимный обмѣнъ. Въ среднемъ періодѣ (XV в.—XVII в.), когда Русь въ политическомъ отношеніи дѣлилась на двѣ половины, восточную и западную, московскую и польско-литовскую, въ каждой изъ половинъ сохраняется свое значеніе языка литературнаго языкъ церковно-славянскій, но рядомъ съ нимъ развиваются и къ концу періода получаютъ условную устойчивость два особыхъ, довольно искусственныхъ книжныхъ языка—восточно-русскій и западно-русскій. Сходство между ними

заклучалось въ томъ, что и тотъ и другой содержали въ себѣ значительное количество церковно-славянизмовъ, а различіе состояло въ томъ, что въ западно-русскомъ языкѣ къ церковно-славянскимъ элементамъ примѣшивались, кромѣ многочисленныхъ полонизмовъ, элементы народныхъ говоровъ то бѣлорусскихъ, то червонорусскихъ, то украинскихъ, при чемъ послѣдніе въ концѣ концовъ возобладали, а въ восточно-русскомъ церковно-славянская основа рѣчи была исцещрена элементами живыхъ великорусскихъ говоровъ, преимущественно московскаго. Дуализмъ этотъ, однако, не мѣшалъ и въ средній періодъ извѣстному взаимодействию областныхъ говоровъ, такъ что не было полной обособленности между восточно-русскимъ и западно-русскимъ книжными языками. Такъ, напр., князь Курбскій, выходецъ изъ Москвы, принималъ дѣятельное участіе въ западно-русской литературѣ, на ряду съ княземъ Острожскимъ, конечно, приспособляясь къ нормамъ мѣстнаго книжнаго языка. Церковно-славянская грамматика западнорусса Мелетія Смотрицкаго (1619 г. въ г. Вильнѣ), Катихизисъ Лаврентія Зизанія и Краткое исповѣданіе вѣры (1645 г. Кіевъ) были переизданы въ Москвѣ вскорѣ послѣ появленія оригиналовъ въ предѣлахъ Западной Руси и пользовались широкимъ распространеніемъ на востокѣ не только въ XVII в., но и въ XVIII в. Кіевскіе уче-

ные: Елифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Симеонъ Кохановскій работали въ области литературы въ Москвѣ съ не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Кіевѣ, и содѣйствовали перенесенію въ Москву не только западно-русской учености, но также и нѣкоторыхъ особенностей западно-русскаго книжнаго языка.

Новый періодъ въ развитіи русскаго образованнаго языка (XVIII в.—XIX в.) ознаменовался прежде всего сліяніемъ западно-русскаго языка съ восточно-русскимъ въ одинъ общерусскій языкъ. Это сліяніе послѣдовало непосредственно за политическимъ соединеніемъ Малороссіи съ Московскимъ царствомъ. Затѣмъ съ Петровской эпохи постепенно прекратился старый книжный дуализмъ въ предѣлахъ русскаго государства: языкъ дѣловой (грамотъ, актовъ, статейныхъ списковъ, судебныхниковъ и проч.), пропитанный элементами народныхъ говоровъ, мало-по-малу сливается съ славяно-русскимъ, захватывая вмѣстѣ съ тѣмъ всю область не только государственной и общественной, но и литературной жизни. Дальнѣйшій процессъ развитія русскаго образованнаго языка, завершившійся выработкой того типа его, какой наблюдается въ настоящее время, состоялъ въ томъ, что, благодаря замѣчательной литературной дѣятель-

ности Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина и многочисленных ихъ послѣдователей, церковно-славянскіе элементы отошли на задній планъ, уступивъ свое мѣсто стихіямъ живой народной рѣчи. Совершенно естественно, что въ силу историческихъ и политическихъ условій великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ, опредѣливъ его типъ главнѣйше въ звуковомъ отношеніи. Такъ всегда бываетъ при образованіи литературныхъ языковъ: одно нарѣчіе или говоръ вслѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ возвышается надъ другими, получаетъ надъ ними гегемонію и составляетъ фонъ возникающаго литературнаго языка. Но, помимо основной великорусской стихіи, нашъ образованный языкъ принялъ въ себя не мало стихій изъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ. Передатчиками этихъ стихій, помимо уже раньше полученнаго наслѣдія, были многочисленные ученые и поэты выходцы изъ Западной Руси, писавшіе на томъ же книжномъ языкѣ, средоточіемъ котораго была Москва и вообще Восточная Русь. Такъ для XVIII в. достаточно назвать: духовныхъ писателей Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Анастасія Братановскаго, Іоанна Леванду, проповѣдника и историка Георгія Конисскаго, путешественника Василя Гри-

горовича Барскаго, поэта Ипполита Богдановича и др.; для XIX ст.: Гнѣдича, Гоголя, С. Глинку, Гребенку, Некрасова, Костомарова, Гр. Данилевскаго, Вс. Крестовскаго, Марко-Вовчка, Мордовцева и мн. др. Такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ нужно считать плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа. Онъ созданъ общими усиліями всѣхъ его вѣтвей и потому составляетъ для всѣхъ ихъ одинаково драгоценное достояніе *).

Нѣкоторые галицкіе ученые и публицисты и наши украинофилы держатся иного взгляда на происхожденіе обще-русскаго образованнаго языка; отрицая въ немъ присутствіе разнородныхъ діалектическихъ стихій, они считаютъ этотъ языкъ специально «великорусскимъ». Къ сторонникамъ послѣдняго мнѣнія принадлежитъ и г. К. Михальчукъ, выступившій съ рѣзкимъ осужденіемъ вышеуказанной точки зрѣнія, сжато изложенной уже въ первой моей статьѣ (въ «Универ. Изв.»). Въ своихъ доводахъ, направленныхъ противъ меня, онъ ссылается помимо гимназическихъ

*) Въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ объ историческомъ развитіи обще-русскаго литературнаго языка я ограничиваюсь передачей общепризнанныхъ въ наукѣ положеній, сжато изложенныхъ въ извѣстномъ сочиненіи проф. А. С. Будиловича «Обще-славянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Т. II, стр. 238—260.

учебниковъ, главнѣйше на сужденіе проф. А. И. Соболевскаго, который въ своемъ «Очеркѣ русской діалектологіи», характеризуя южно-великорусское или акающее поднарѣчіе, между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ». Но это сужденіе проф. А. И. Соболевскаго, очевидно, не имѣетъ того смысла, какой видитъ въ немъ г. К. Михальчукъ. Оно указываетъ лишь на особенную близость московскаго говора къ обще-русскому образованному языку, а отнюдь не на полное тождество этого говора съ литературнымъ языкомъ. Это ясно видно изъ слѣдующаго мѣста труда проф. Соболевскаго, которое также приводитъ г. К. Михальчукъ: «Московскій простонародный и подмосковный говоръ никакихъ звуковыхъ особенностей не имѣетъ, и главное отличіе его отъ литературнаго говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ, которыя хотя и извѣстны образованнымъ людямъ, но считаются вульгаризмами.» Слѣдовательно, проф. А. И. Соболевскій отмѣчаетъ въ русскомъ образованномъ языкѣ присутствіе элементовъ московскаго говора, какъ господствующей

щей стихіи. Но, вѣдь и я не только не отрицаю этой общеизвѣстной истины, а напротивъ прямо указывалъ на великорусскій фонъ нашего литературнаго языка, когда (на страницахъ «Унив. Извѣстій») писалъ, что «великорусская стихія занимаетъ въ немъ первенствующее, но не исключительное мѣсто». Я увѣренъ, что ни проф. А. И. Соболевскій, и никакой другой ученый, вдумывавшійся въ вопросъ о составѣ обще-русскаго образованнаго языка, его возникновеніи и развитіи, не будетъ возражать противъ слѣдующихъ выставленныхъ мною положеній: 1) Современный обще-русскій литературный языкъ далеко не вполне тождественъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ или однимъ изъ его говоровъ; 2) языкъ этотъ представляетъ собой организмъ, довольно сложный по діалектическимъ и историческимъ наслоеніямъ; 3) великорусское нарѣчіе или, точнѣе, московскій говоръ составляетъ въ обще-русскомъ образованномъ языкѣ господствующую стихію, опредѣлившую его типъ преимущественно въ звуковомъ отношеніи; 4) кромѣ преобладающей великорусской стихіи въ обще-русскомъ образованномъ языкѣ участвуютъ стихіи малорусская и бѣлорусская (преимущественно въ лексикѣ); 5) церковно-славянскій языкъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе обще-русскаго литературнаго языка въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, такъ что церковно-славянская стихія и

теперь занимаетъ въ немъ довольно видное мѣсто; 6) большіе образованные языки Западной Европы (особенно французскій и нѣмецкій) также имѣли нѣкоторое вліяніе на лексическій составъ общерусскаго литературнаго языка.

Доказывать вѣрность всѣхъ этихъ положеній путемъ анализа самаго литературнаго языка и въ частности опредѣлять удѣльный вѣсъ вошедшихъ въ него стихій малорусской и бѣлорусской—едва ли удобно въ настоящемъ трудѣ общаго характера. Зато, кажется, будетъ вполне умѣстно указать здѣсь, что изложенный выше взглядъ на образованіе общерусскаго литературнаго языка находится въ полномъ согласіи съ мнѣніями, высказанными по тому же вопросу двумя нашими извѣстными славистами. Проф. В. И. Ламанскій въ своей замѣчательной работѣ «Національности италіанская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ» (Отеч. Записки 1864, Ноябрь, стр. 187), выражая свое несочувствіе «тѣмъ великорусскимъ патріотамъ, которые позволяютъ себѣ нападки на всѣ попытки малорусскихъ писателей», между прочимъ говоритъ: «Въ этомъ отношеніи они поступаютъ очень неблагоприятно и неосторожно, поддерживая ложную мысль о нашемъ литературномъ языкѣ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій. По своему происхожденію и образованію, онъ есть общее до-

стояніе Великой, Малой и Бѣлой Руси»... Проф. А. С. Будиловичъ, самъ специально работавшій надъ исторіей русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, утверждаетъ, что «взаимодѣйствіе всѣхъ областныхъ разнорѣчій въ выработкѣ нашего образованнаго языка составляетъ важное его преимущество передъ другими, имѣющими болѣе узкую діалектическую почву». («Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Т. II. Варшава. 1892. Стр. 250). Тотъ же ученый пишетъ: «Правда, количество вкладовъ въ общій языкъ, сдѣланныхъ съ XVIII вѣка разнорѣчійми великорусскими, несравненно больше, чѣмъ со стороны разнорѣчій малорусскихъ, благодаря чему и самый типъ нашего языка значительно ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Но эта близость не доходитъ до тожества и не исключаетъ важности услугъ, оказанныхъ общему языку бѣлоруссами и малоруссами. Они имѣютъ вслѣдствіе того полное право называть этотъ языкъ плодомъ и своихъ усилій на поприщѣ общественно - литературномъ»... (Тамъ же).

Наконецъ, въ заключеніе, сошлюсь еще на любопытное мнѣніе покойнаго львовскаго профессора Ем. Огоновскаго, пользующагося большимъ авторитетомъ у галицкихъ и нашихъ украинофиловъ. Въ своемъ сочиненіи, Studien

auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Lemberg. 1880), онъ отстаиваетъ мысль, что «лексическій и грамматическій матеріалъ русинскаго (т.е. малорусскаго) языка былъ въ XVIII ст. и XIX ст. такъ поглощенъ московскимъ нарѣчіемъ, что новый языкъ принялъ даже атрибутъ русскаго» и затѣмъ, варьируя это положеніе на разные лады, утверждаетъ, что «богатые запасы языка малорусской націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были систематически эксплуатированы въ пользу московскаго нарѣчія», что «нынѣшній русскій языкъ произошелъ изъ смѣси московскаго нарѣчія, русинскаго (т. е. малорусскаго) и церковно-славянскаго» и что «великорусскій языкъ могущественно развился на счетъ малорусскаго» *). Конечно, во всѣхъ этихъ сужденіяхъ не мало странныхъ преувеличеній; тѣмъ не менѣе засвидѣтельствованіе со стороны

*) Freilich kann nicht in Abrede gestellt werden, dass das Ruthenische sich in einem sonderbaren Verhältnisse zum Russischen befindet, dass namentlich das lexicalische und grammatische Material jener Sprache im XVIII und XIX Jahrhunderte vom moskowitzischen Dialecte dergestalt absorbiert wurde, dass sogar das Attribut *русскій* (russisch) von der neugeschaffenen Sprache adoptirt ward (S. 3).—Der Sprachschatz dieser Nation wurde nun seit zwei Jahrhunderten zu Gunsten des moskowitzischen Dialectes systematisch ausgebeutet... Während also das heutige Russische aus einem Gemisch des moskowitzischen Dialectes, der ruthenischen und kirchensla-

малорусскаго ученаго филолога факта присутствія элементовъ малорусской рѣчи (при томъ въ широкомъ объемѣ) въ обще-русскомъ литературномъ языкѣ представляетъ собою явленіе, столь же характерное, сколько поучительное для тѣхъ, кому хочется во что бы ни стало объявить нашъ образованный языкъ за специально великорусскій.

Итакъ, твердо держась почвы несомнѣнныхъ фактовъ и безспорныхъ научныхъ выводовъ, едва ли можно допустить малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что обще-русскій литературный и образованный языкъ созданъ общими усиліями великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и составляетъ общее достояніе всего русскаго народа.

wischen Sprache entstanden ist...—Ist es nun möglich, dass die Kleinrussische Sprache in die niedere Rangordnung eines Dialectes deshalb herabsteige, weil das Grossrussische auf ihre Kosten sich mächtig ausgebildet hat? (S. 15).

III.

Малорусская литература прежде и теперь; отношение ея къ обще-русской литературѣ.

«Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для описанія человѣческихъ обществъ въ высшемъ развитіи—была мысль соблазнительная, но ея несостоятельность высказалась съ перваго взгляда.» (Н. И. Костомаровъ, «Малорусская литература». Въ сборникѣ Н. Б. Гербеля «Поэзія славянъ». Спб., 1871. Стр. 162).

Для всякаго большаго народа, слагающагося изъ нѣсколькихъ меньшихъ близко родственныхъ этническихъ разновидностей созданіе общаго литературнаго и образованнаго языка составляетъ дѣло первой необходимости и высокой важности. Только обладая такимъ языкомъ, нація получаетъ средства какъ для возможно полнаго раскрытія всѣхъ своихъ духовныхъ силъ, такъ и для широкаго участія въ міровомъ культурномъ движеніи; только при такомъ условіи она имѣетъ возможность создать богатую литературу, сдѣ-

лать цѣнные вклады въ науку, а равно упрочить свое политическое могущество и пріобрѣсти нравственное вліяніе среди другихъ большихъ и малыхъ народовъ. Понятно, что такой общій литературный и образованный языкъ, какъ созданіе всѣхъ этническихъ разновидностей одного народа, имѣетъ для всѣхъ ихъ значеніе общаго драгоцѣннаго достоянія, служитъ предметомъ народной гордости, самаго внимательнаго попеченія и ухода. Подобно другимъ великимъ народамъ Европы и русскій народъ обладаетъ такимъ могучимъ, прекрасно выработаннымъ литературнымъ и образованнымъ языкомъ, который созданъ, какъ уже было разъяснено, общими усилиями всѣхъ вѣтвей націи. Въ виду такого безспорнаго факта возникаетъ вопросъ: насколько необходимо и полезно для каждой изъ русскихъ народностей при пользованіи выработаннымъ общерусскимъ языкомъ, какъ органомъ науки, литературы и высшей образованности, развивать и разрабатывать также свои частныя нарѣчія и создавать на нихъ свои особыя литературы? На вопросъ этотъ можетъ быть двойкій отвѣтъ въ зависимости отъ того, какъ понимать и опредѣлять содержаніе и задачи такихъ частныхъ литературъ.

Если дѣло идетъ о присвоеніи каждому изъ русскихъ нарѣчій тѣхъ функций языка литературнаго и образованнаго, какія уже давно испол-

няются общерусскимъ языкомъ, то отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ быть только отрицательный. Одинъ народъ не можетъ нуждаться въ двухъ или даже трехъ образованныхъ и литературныхъ языкахъ. Стремленіе присвоить тому или другому русскому нарѣчію роль языка науки и высшей образованности должно представляться дѣломъ такъ же трудно осуществимымъ, какъ и безцѣльнымъ и бесполезнымъ. Созданіе всякаго новаго образованнаго языка требуетъ отъ народа большихъ усилій и трудовъ, массы энергіи и много времени. Но для чего же народу вторично браться за работу, которая имъ была уже успѣшно продѣлана въ теченіе ряда вѣковъ и дала ему то, что ему нужно и что его выдвинуло въ рядъ великихъ образованныхъ націй. Наконецъ, если бъ эта вторичная трудная работа была съ успѣхомъ доведена до конца и часть русскаго народа обзавелась своимъ особымъ литературнымъ и образованнымъ языкомъ, то это событіе имѣло бы отрицательное значеніе въ исторіи Руси: оно вносило бы въ ея духовную жизнь литературный сепаратизмъ или расколъ, разрывало бы созданное вѣками культурное единство народа, создавало бы помѣхи широкому развитію его умственной дѣятельности и ослабляло бы его политическое могущество. Всѣ эти явленія, конечно, не могли бы означать историческаго прогресса рус-

скаго народа, а знаменовали бы возвращеніе его къ старымъ временамъ партикуляризма и раздробленности.

Совсѣмъ иной отвѣтъ на поставленный вопросъ можно дать, если развитіе литературъ на простонародныхъ русскихъ нарѣчіяхъ разумѣть въ болѣе узкихъ рамкахъ, въ смыслѣ одного изъ проявленій этнографической индивидуальности каждой русской народности, безъ присвоенія областнымъ нарѣчіямъ высшихъ функцій, выполняемыхъ общерусскимъ языкомъ. Такая разработка областныхъ нарѣчій имѣетъ за собой извѣстное основаніе, какъ явленіе, до нѣкоторой степени естественное, хотя и не необходимое. Подобныя частныя литературы по существу своему бывають прежде всего простонародными и въ своихъ задачахъ обыкновенно не выходятъ изъ круга этнографическихъ интересовъ. Онѣ не могутъ занимать самостоятельнаго положенія въ ряду прочихъ большихъ литературъ и должны довольствоваться скромною ролью подъ-литературъ, служащихъ дополненіемъ къ главной общей литературѣ.

Существованіе такихъ второстепенныхъ диалектовъ и побочныхъ литературъ наблюдается у многихъ великихъ націй. Такъ, рядомъ съ обще-французскимъ литературнымъ и образованнымъ языкомъ, въ Южной Франціи употребляется провансальское нарѣчіе, имѣющее свою литера-

туру; рядомъ съ общенѣмецкимъ языкомъ держится въ живомъ употребленіи и въ письменности нижне-нѣмецкое нарѣчіе; обще-италианскій литературный языкъ (основанный на тосканскомъ нарѣчій) не устраняетъ употребленія въ народныхъ массахъ и простонародной литературѣ частныхъ нарѣчій—неаполитанскаго, сицилійскаго, венеціанскаго и др. Но всѣ эти областные діалекты указанныхъ народовъ не заявляютъ ни малѣйшаго стремленія вступить въ какое-либо соперничество съ общими литературными и образованными языками и присвоивать себѣ принадлежащія послѣднимъ функціи языковъ науки, школы, государственной и общественной жизни. Нѣмцы не только въ разныхъ концахъ Германіи, но въ Австріи и въ другихъ странахъ, обрабатываютъ въ наукѣ и литературѣ одинъ общій образованный языкъ—языкъ Лютера, Лессинга, Канта, Гете и Шиллера. Равнымъ образомъ и обще-французскій языкъ во всѣхъ углахъ Франціи, не исключая Прованса, вполне сохраняетъ свое значеніе органа науки и высшей образованности. Однородный порядокъ вещей нужно признать единственно возможнымъ и правильнымъ и по отношенію къ русскому народу и его этническимъ разновидностямъ.

Здѣсь дѣло представляется въ такомъ видѣ. Бѣлорусская народность, численностью превышающая шесть милліоновъ, не проявила особаго

стремленія къ обработкѣ своего нарѣчія. Немногочисленные попытки употребленія этого нарѣчія въ областной письменности остались безъ всякаго успѣха. Бѣлоруссы вполне довольствуются обще-русскимъ языкомъ и обще-русской литературой. Не то видимъ у другой русской народности. На малорусскомъ нарѣчій уже сто лѣтъ существуетъ и развивается областная литература, имѣющая свою исторію. Возникла она въ нашей Украинѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія и всего лѣтъ тридцать назадъ была перенесена въ предѣлы Заграничной Руси, главнѣйше въ Галичину, гдѣ и пустила довольно глубокіе корни. Эта литература представляетъ одно большое дарованіе въ лицѣ поэта Шевченка, нѣсколько болѣе или менѣе видныхъ писателей—беллетристовъ и драматурговъ (каковы, напр., Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Кулишъ, Костомаровъ, Марко-Вовчокъ, Франко, Кропивницкій и др.) и значительное число посредственныхъ и даже бездарныхъ дѣятелей въ разныхъ областяхъ письменности. Исходнымъ пунктомъ этой литературы было вполне естественное чувство—любовь къ родному слову и поэтическимъ произведеніямъ на родномъ языкѣ. До недавняго сравнительно времени она оставалась литературой по преимуществу простонародной или же народной въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; содержаніе ея не выходило изъ кру-

га задачъ, какими обыкновенно характеризуются областныя литературы. На первомъ мѣстѣ въ ней стояло изображеніе малорусскаго народа, его быта, его поэтическихъ воззрѣній, его прошлаго, при чемъ на малорусскихъ поэтическихъ произведеніяхъ отражались направленія, смѣнявшіяся въ обще-русской и отчасти польской литературахъ: стремленіе къ комическому и сатирическому изображенію народной жизни, чувствительность, романтическіе порывы, увлеченія народничествомъ, идеализація быта и прошлаго народа. Нѣсколько позже на ряду съ стихотвореніями, повѣстями, драмами и комедіями на малорусскомъ языкѣ начинаютъ появляться популярныя книжки болѣе серьезнаго содержанія, имѣющія цѣлью распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Малорусская литература въ такомъ объемѣ и направленіи, конечно, не представляла и не можетъ представлять ничего предосудительнаго съ точки зрѣнія литературнаго и культурнаго единства обѣихъ русскихъ народностей. Безъ сомнѣнія, она не есть явленіе, настолько необходимое, чтобы безъ него не могъ обойтись русскій народъ (обходятся же бѣлоруссы безъ своей спеціальной литературы), но во всякомъ случаѣ она имѣетъ извѣстное право на существованіе, какъ одно изъ обнаруженій этнической индивидуальности крупной разновидности русскаго народа, подобно тому, какъ такими же этническими обнаруже-

ніями являются малорусскія пѣсни, пляски, одежда, театральныя представленія. Вполнѣ естественно, что малорусская литература довольно долго оставалась въ роли подъ-литературы русскаго языка. Сами выдающіеся дѣятели этой литературы смотрѣли на нее, какъ на таковую, и признавая за ней этнографическое и областное значеніе, работали, а нѣкоторые и теперь продолжаютъ работать въ обще-русской литературѣ. Достаточно вспомнить Квитку, Бодянскаго, Костомарова, Кулиша, Марко-Вовчка и другихъ малорусскихъ писателей, которые, принимая участіе въ областной подъ-литературѣ, одновременно обогащали нашу высшую науку и высшую литературу, развивающіяся на общерусскомъ языкѣ. Величайшій же украинскій писатель Н. В. Гоголь, при всей своей горячей любви къ родной Малороссіи и родному языку, нашелъ рамки областной литературы слишкомъ узкими для проявленія во всей силѣ своего таланта и творилъ свои бессмертныя произведенія на общерусскомъ языкѣ, при чемъ, однако, ввелъ въ послѣдній не мало украинскихъ словъ, оборотовъ и даже цѣлыхъ діалоговъ. Вообще въ литературной дѣятельности Гоголя проявилось высокое стремленіе къ художественному сочетанію интересовъ двухъ отраслей русскаго народа. Народная по содержанію, малорусская литература долго оставалась народной и по языку. Но какъ

въ отношеніи содержанія она испытывала извѣстное вліяніе со стороны обще-русской литературы, такъ и въ народную рѣчь малорусскихъ писателей проникали обороты обще-русской литературной рѣчи. Выдающійся поэтъ малорусскаго народа Т. Г. Шевченко, «единственный, котораго знаетъ все славянство», по словамъ проф. Н. П. Дашкевича, «успѣлъ такъ выработать свою украинскую литературную рѣчь, что его читаютъ и довольно хорошо понимаютъ образованные люди всего русскаго государства». Такъ малорусская литература первоначально состояла при обще-русской литературѣ, находилась съ ней въ тѣсной связи и дорожила этой связью.

Совсѣмъ другой характеръ и въ отношеніи внѣшней формы, и въ отношеніи содержанія принимаетъ малорусская литература за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Поборники этой литературы стремятся вывести ее изъ тѣхъ естественныхъ этнографическихъ рамокъ, которыми собственно и обуславливается самое право ея на существованіе. Они пытаются поставить малорусскій языкъ на одну ступень съ языкомъ обще-русскимъ, т. е. стараются присвоить ему роль органа науки и высшей образованности для всего двадцатимилліоннаго малорусскаго или южно-русскаго народа. Простонародный малорусскій языкъ, получающій послѣ разнаго рода передѣлокъ и превращеній новое имя языка «укра-

инсько-русского», дѣлаютъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ школахъ. Собираются деньги и предпринимаются другія хлопоты для основанія малорусскаго или «украинсько-русского» университета, въ которомъ всѣ науки должны преподаваться на томъ же «украинсько-русскомъ» языкѣ. Еще энергичнѣе ведутся приготовленія по открытію «украинсько-русской» академіи наукъ. На малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ. Развивается и малорусская публицистика. Поэтическая литература все болѣе теряетъ свой народный характеръ и пріобрѣтаетъ тенденціозную окраску, что вредно отражается на ея художественной сторонѣ. Мѣняются и отношенія новой малорусской литературы къ обще-русской. Вступая, такъ сказать, въ непосильное соревнованіе съ послѣдней, новая малорусская литература старается уединиться отъ нея, обособиться и даже прямо становится въ непріязненные отношенія къ ней. Въ малорусскихъ газетахъ и журналахъ, въ quasi-научныхъ изслѣдованіяхъ систематически проводится мысль объ отдѣльности и самостоятельности малорусской народности и малорусскаго языка, поддѣльвается и искажается политическая и культурная исторія русскаго народа, проповѣдуется ненависть и

вражда къ русскому государству, «москалямъ» и обще-русскому литературному языку. Первымъ признакомъ такого обособленія отъ общерусской литературы было появленіе малорусскихъ переводовъ такихъ произведеній, какъ историческія монографіи Костомарова, Дашкевича, Иловайскаго или повѣсти Гоголя. Въ то же время началась сиѣшная работа по созданію и установленію новаго «українсько-руського» литературнаго и научнаго языка, при чемъ въ основаніе работы поставленъ принципъ возможно большаго отдаленія новаго языка отъ обще-русскаго посредствомъ широкаго употребленія новосочиняемыхъ или чужихъ словъ и оборотовъ. Параллельно съ реформой языка вводилось особое фонетическое правописаніе, которое должно было и съ внѣшней стороны дѣлать малорусскую книгу возможно болѣе непохожей на обще-русскую. Средоточіемъ такого направленія въ развитіи малорусскаго литературнаго языка и малорусской литературы стала по преимуществу Галичина, гдѣ оно встрѣтило дѣятельную поддержку со стороны правительства и господствующей въ странѣ польской партіи, усматривающихъ въ покровительствѣ малорусскому литературному сепаратизму весьма подходящій политическій ходъ противъ Россіи. Во Львовѣ, этомъ древнемъ, исконно-русскомъ городѣ, находящемся теперь въ рукахъ поляковъ и евреевъ, въ стѣнахъ тамош-

няго университета, въ украинофильскихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, въ небольшомъ кружкѣ политическихъ и литературныхъ дѣятелей крайнихъ направленій ведется эта торопливая, лихорадочная работа надъ созданиемъ для русскаго народа, т. е. для малорусской его разновидности, второго научнаго и образованнаго языка. Слабѣе то же литературное движеніе въ маленькой Буковинѣ. Отголоски его проникли и въ нашу Украину. Здѣсь новое направленіе, согласно мѣстнымъ условіямъ, выразилось главнѣйше въ измѣненіи общаго характера языка и содержанія поэтическихъ, преимущественно драматическихъ произведеній малорусской литературы. Языкъ ихъ все болѣе удаляется отъ народнаго, въ изобиліи уснащается кованными словами и вообще отличается дѣланностью. Въ содержаніи малорусскихъ произведеній, появляющихся въ предѣлахъ Россіи, наблюдается не мало искусственнаго и тенденціознаго. Въ цѣломъ дѣятельность галицкихъ литературныхъ сепаратистовъ находитъ себѣ нравственную поддержку на страницахъ нѣкоторыхъ кіевскихъ и столичныхъ періодическихъ изданій. И у насъ среди писателей и ученыхъ, преимущественно между украинцами, оказываются (впрочемъ, немногочисленные) сторонники новаго малорусскаго литературнаго движенія, считающіе присвоеніе малорусскому языку роли орга-

на науки и высшей образованности — явленіемъ вполне естественнымъ, правильнымъ и необходимымъ.

Вотъ на эту новѣйшую малорусскую литературу приходится смотрѣть иначе, чѣмъ на литературу недавняго прошлаго, на литературу времени Шевченка и Костомарова. При ближайшемъ знакомствѣ съ ней невольно закрадывается въ душу сомнѣніе въ ея безыскусственности, необходимости, полезности и цѣлесообразности. Помимо всякихъ другихъ частныхъ вопросовъ, существованіе этой литературы ставитъ ребромъ одинъ большой общій вопросъ: одинъ или два высшихъ образованныхъ языка необходимы русскому народу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ уже указано выше, можетъ быть только неблагопріятный для новосоздаваемого образованнаго «українсько-руського» языка: послѣдній является лишнимъ, ненужнымъ, потому что функціи, которыя ему навязываютъ, давно исполняетъ одинаково у всѣхъ вѣтвей русскаго народа выработанный ихъ общими усиліями могучій общерусскій языкъ.

Съ этимъ выводомъ, конечно, не согласятся не только галицкіе сепаратисты, но и сочувствующіе имъ наши украинцы. Брать на себя трудъ разубѣждать ихъ въ правильности ихъ взглядовъ — неблагодарная задача. Я остановлюсь только на обращенныхъ ко мнѣ замѣчаніяхъ

моихъ оппонентовъ въ «Кіевской Старинѣ». Они касаются двухъ сторонъ вопроса. Оба критика В. П. Науменко и г. К. Михальчукъ указываютъ на естественность и законность широкаго развитія малорусской литературы и въ частности настаиваютъ на необходимости выработки особаго научнаго и образованнаго языка для Галицкой Руси. Къ вопросу о положеніи дѣлъ въ Галичинѣ я обращаюсь въ слѣдующей главѣ, а здѣсь ограничусь нѣсколькими замѣчаніями по поводу возраженій, высказанныхъ противъ моей точки зрѣнія на весь вопросъ въ цѣломъ его объемѣ.

В. П. Науменко («Кіев. Стар.» 1899, Янв. Стр. 136) утверждаетъ, что при рѣшеніи вопроса о созданіи общихъ книжныхъ языковъ недостаточно справляться съ данными филологіи, а нужно считаться также и съ науками социальными. Это замѣчаніе можно признать отчасти вѣрнымъ, если имѣть въ виду сдѣланное г. критикомъ поясненіе, что иногда на возвышеніе даннаго языка или нарѣчія до уровня языка литературнаго могутъ вліять политическія обстоятельства. Но то же замѣчаніе получаетъ весьма туманный смыслъ въ дальнѣйшемъ разсужденіи автора статьи. «Вѣдь вопросъ о созданіи общихъ книжныхъ языковъ, говоритъ В. П. Науменко, съ этой точки зрѣнія (т. е. социальной) очень еще открытый вопросъ. А, можетъ быть, для социальной и политической

жизни славянства лучше будетъ, если создастся одинъ обще-славянскій языкъ, но не въ формѣ одного какого-нибудь изъ нихъ, принявшаго доминирующее положеніе, а въ дѣйствительности естественно сложившагося обще-славянскаго? Это еще вопросъ, надъ которымъ человѣчеству предстоитъ поработать. Зато и въ другую сторону можетъ повернуться этотъ же вопросъ: кто знаетъ, не лучше ли будетъ для всесторонняго развитія всѣхъ душевныхъ силъ націи, если предоставлена будетъ возможность каждой изъ нихъ выработать самостоятельно свой самобытный культурный языкъ?» Прежде всего нужно оставить въ сторонѣ вопросъ объ обще-славянскомъ языкѣ, такъ какъ моя статейка, разбираемая В. П. Науменкомъ, совсѣмъ этого вопроса не затрагиваетъ и говоритъ только объ обще-русскомъ языкѣ. Относительно же дальнѣйшаго разсужденія г. критика возникаетъ недоумѣніе: что нужно разумѣть подъ каждой націей, которой должна быть предоставлена возможность выработать самостоятельно свой «самобытный культурный языкъ». Если здѣсь имѣютъ я въ виду крупныя этническія особи, какъ, напр., народы русскій, польскій, чешскій и т. д., то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ правѣ ихъ выработать самостоятельно свои «самобытные культурные языки». Если же г. критикъ подъ націями разумѣетъ разновидности крупныхъ особей, въ данномъ случаѣ ве-

ликоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, то съ точки зрѣнія социальныхъ наукъ никакъ нельзя желать выработки каждою изъ нихъ своего образованнаго языка, такъ какъ черезъ то разрушалась бы многовѣковая созидательная работа всей русской націи и создавались бы неисчислимыя затрудненія для совмѣстной культурной дѣятельности всѣхъ ея частей. Наконецъ, если В. П. Науменко думаетъ, что каждое нарѣчіе или говоръ данной діалектической группы должно (ради «всесторонняго развитія всѣхъ душевныхъ силъ націи») быть превращено въ «самобытный культурный языкъ», то послѣдствіемъ примѣненія на практикѣ такой теоріи было бы появленіе на территоріи русскаго народа нѣсколькихъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ литературныхъ и образованныхъ языковъ, разнообразіе которыхъ парализовало бы всякую возможность культурнаго общенія между частями одного народа. И такъ, социальныя науки здѣсь, кажется, ни при чемъ.

Оба критика горячо оспариваютъ мой взглядъ на малорусскую литературу какъ на побочную литературу русскаго языка, сфера дѣятельности которой должна ограничиваться этнографическими рамками. Оба они, и особенно г. Михальчукъ, рѣзко осуждаютъ предложенное мною опредѣленіе задачъ малорусской литературы, которое, кажется, не заключаетъ въ себѣ ничего

обиднаго по отношенію къ малорусскому народу и къ настоящей дѣйствительно народной малорусской литературѣ *). Наконецъ, оба оппонента глубоко возмущены моими сужденіями, въ которыхъ я высказалъ мысль, что стремленіе современныхъ малорусскихъ дѣятелей присвоить малорусскому языку роль органа науки и высшей образованности не оправдывается ни логическими основаніями, ни практическими соображеніями, и что это стремленіе слѣдуетъ признать явленіемъ отрицательнымъ, такъ какъ оно можетъ принести русскому народу, и въ частности малоруссамъ, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Вникая въ сущность всѣхъ сдѣланныхъ мнѣ возраженій по этому вопросу, не трудно замѣтить, что источникъ ихъ коренится въ разобранныхъ выше

*) Я позволю себѣ повторить это опредѣленіе. По моему мнѣнію, малорусская литература прежде всего должна быть органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, вытекающаго изъ глубины малорусскаго народнаго духа и, сверхъ того, можетъ служить средствомъ распространенія элементарнаго знанія среди простаго крестьянскаго люда. Содержаніе ея должно исчерпываться художественно поэтическими произведеніями, рисующими народную жизнь малоруссовъ, изданіями памятниковъ малорусскаго народнаго творчества и простонародными книгами, имѣющими цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Подобныя книги для народа на малорусскомъ нарѣчій должны служить переходною ступенью къ обще-русской книгѣ.

неправильныхъ взглядахъ обоихъ критиковъ на отношеніе малорусскаго языка къ другимъ русскимъ нарѣчіямъ и обще-русскому литературному языку. Если бъ г. оппоненты, отказавшись отъ своей, неоправдываемой выводами науки, вѣры въ «самостоятельность» малорусскаго народа и языка, признали безспорными положенія о племенномъ единствѣ великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, о близкомъ родствѣ всѣхъ русскихъ нарѣчій, объ участіи малоруссовъ въ созданіи обще-русскаго литературнаго языка, то у нихъ не было бы и малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности всѣхъ выше приведенныхъ моихъ сужденій о задачахъ областной малорусской литературы. Мнѣ приходится сжато повторить моимъ критикамъ то, что само собою ясно всякому объективному изслѣдователю поставленныхъ вопросовъ. При существованіи обще-русской литературы малорусская областная литература можетъ проявлять свою дѣятельность только въ узкой опредѣленной сферѣ. Стремленіе малорусскихъ патриотовъ навязать малорусскому языку неестественную роль органа науки и высшей образованности не оправдывается логическими основаніями, потому что народъ, уже имѣющій выработанный богатый, научный и образованный языкъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ никакой надобности создавать другой подобный же языкъ. Не оправдывается

это стремление и практическими соображениями, такъ какъ осуществленіе его представляеть непреодолимая трудности. Если бы подобное стремление и осуществилось, то оно, несомнѣнно, принесло бы и всему русскому народу и въ частности малоруссамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ неизбѣжными послѣдствіями того были бы литературный расколъ, паденіе образованности (вслѣдствіе взаимнаго отчужденія производящихъ силъ) и ослабленіе политической мощи всего народа.

По справедливости, нельзя не удивляться недалковидности нашихъ сторонниковъ украинофильскихъ сепаратистскихъ тенденцій. Неужели они не видятъ, что вопросъ объ единеніи всѣхъ разновидностей русскаго народа въ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ безповоротно рѣшенъ самою жизнью и не можетъ быть передѣланъ согласно желаніямъ и фантастическимъ планамъ горсти малорусскихъ патріотовъ. Процессъ созданія особаго «украинско-русскаго» культурнаго языка, какъ будетъ показано въ слѣдующей главѣ, отличается искусственностью и лишень жизненности. Результаты этой беспочвенной и неестественной работы почти не проникають въ народныя массы въ Галичинѣ и нерѣдко встрѣчаютъ съ ихъ стороны явное несочувствіе и протесты, а въ нашей Малороссіи они

извѣстны едва десяткамъ лицъ. Для каждаго наблюдателя, внимательно слѣдящаго за ходомъ культурной жизни въ разныхъ частяхъ нашего отечества, ясно, что живущіе въ его предѣлахъ 17 милліоновъ малоруссовъ и 6¹/₂ милліоновъ бѣлоруссовъ никогда не будутъ въ силахъ отказаться отъ употребляемаго ими обще-русскаго образованнаго языка уже по одному тому, что они привыкли къ нему, считаютъ его общимъ своимъ достояніемъ, понимаютъ его мощь и всѣ доставляемыя имъ неоцѣнимыя культурныя блага*). «Вѣдь не могутъ же поборники самостоятельности малорусскаго языка, какъ писалъ въ

*) Вотъ что говоритъ по данному вопросу проф. Н. П. Дашкевичъ, лучший у насъ знатокъ малорусскаго языка и литературы, притомъ постоянно вращающійся среди малорусскаго люда: «Безъ сомнѣнія, такіе переводы, какъ переводы произведеній Гоголя, имѣютъ мало смысла помимо тенденціозности: мы считаемъ преувеличеніемъ толки о томъ, что украинскій народъ нуждается въ подобныхъ переложеніяхъ, такъ какъ де-усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ для него значительныя трудности; на нашъ взглядъ, въ школѣ и учебной литературѣ почти нѣтъ мѣста малорусскому нарѣчію, и народъ самъ, становясь грамотнымъ, чувствуетъ инстинктивное влеченіе къ усвоенію обще-русскаго литературнаго языка и нерѣдко интересуется болѣе произведеніями на послѣднемъ, чѣмъ малорусскими книжками... (Отзывъ о сочиненіи г. Петрова «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія», стр. 229).

прошломъ году «Кіевлянинъ», сказать жизни: «Остановись и подожди, пока мы разработаемъ малорусскій языкъ и превратимъ его въ орудіе культуры». Жизнь не остановится и будетъ продолжать свой естественный историческій ходъ, а въ этомъ ходѣ наблюдается ежедневное, ежечасное, ежеминутное общеніе между собою милліоновъ великоруссовъ и малоруссовъ, при чемъ орудіемъ такого общенія является могучій, достигшій высокой степени развитія языкъ, языкъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева.»

Такимъ образомъ, малорусская литература, если можетъ имѣть какое-либо значеніе въ культурной жизни русскаго народа, то лишь въ своей естественной роли подъ-литературы русскаго языка. Она можетъ быть литературой преимущественно простонародной и во всякомъ случаѣ только народной по языку и содержанию и должна отказаться отъ притязаній на выполнение непосильныхъ для нея задачъ органа высшей образованности, находящихся въ вѣдѣніи общерусской литературы. Войдя въ свою нормальную колею, она, быть можетъ, станетъ богаче истинными поэтическими дарованіями и скорѣе завоеуетъ себѣ симпатіи въ образованныхъ кругахъ не только Малой, но и Великой и Бѣлой Руси.

IV.

Дѣйствительно ли зарубежная Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская) имѣетъ надобность въ созданіи своего особаго научнаго и образованнаго языка взамѣнъ существующаго обще-русскаго.

Поборники всесторонняго и широкаго развитія малорусской литературы, защищая свою точку зрѣнія на данный вопросъ, особенно настаиваютъ на томъ, что возвышеніе малорусскаго языка до уровня языка науки и высшей образованности необходимо ради блага той части малорусскаго народа, которая живетъ въ предѣлахъ Австріи. Они утверждаютъ, что на малорусской территоріи этого государства при существующихъ условіяхъ политической жизни общерусскій языкъ не можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ культурныхъ классовъ общества, и что вслѣдствіе этого для зарубежной Руси, особенно Галицкой, нѣтъ другого болѣе благоприятнаго исхода, какъ

созданіе своего малорусскаго книжнаго и культурнаго языка, при отсутствіи котораго ей пришлось бы пользоваться чужими книжными языками («Кіевская Старина» 1899, Январь стр. 140, Августъ, стр. 191, 266). Посмотримъ, такъ ли это въ дѣйствительности *).

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что обитающіе въ Австро-Угріи малоруссы находятся въ не совсѣмъ одинаковыхъ условіяхъ политической и національной жизни. Галицкая Русь ✓ (ок. 2.850,000 д.) уже съ давнихъ поръ томится подъ тяжелымъ польскимъ гнетомъ, который особенно усилился съ 60-хъ годовъ, со времени намѣстничества графа Голуховскаго и установленія дуализма въ Австрійской монархіи. Полякамъ принадлежитъ господствующее положеніе въ русской части Галичины. Они составляютъ подавляющее большинство въ сеймѣ, въ ихъ рукахъ вся администрація и крупное землевладѣніе, поскольку оно еще не перешло къ евреямъ. Поляки задаютъ тонъ всей политической и куль-

*) Мои оппоненты гг. В. П. Науменко и К. Михальчукъ выражаютъ сомнѣніе относительно основательности моего знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Галичинѣ. Долгомъ считаю разъяснить гг. оппонентамъ, что во время моихъ многократныхъ путешествій по славянскимъ землямъ я два раза былъ въ Галичинѣ, и что за галицкими дѣлами слѣжу уже болѣе 20 лѣтъ не только при помощи славянской печати, но и путемъ личныхъ сношеній съ нѣкоторыми галицкими, буковинскими и угро-русскими дѣятелями.

турной жизни области. Польскому языку принадлежитъ первое мѣсто въ управленіи, школѣ, наукѣ, литературѣ, общественныхъ отношеніяхъ. Русскій же народъ играетъ приниженную роль, всюду занимаетъ второстепенное мѣсто и съ трудомъ отстаиваетъ свои народныя и политическія права. Тѣмъ не менѣе въ Галичинѣ наблюдаются все же болѣе благопріятныя условія для національной самообороны уже въ силу того, что малорусское населеніе здѣсь представлено болѣе численно, чѣмъ въ другихъ областяхъ имперіи. ✓ Хуже положеніе русскаго дѣла въ Буковинѣ, одной изъ меньшихъ провинцій Цислейтаніи. Буковинскіе малоруссы, ничтожные по своей численности (всего ок. 250,000), но зато исповѣдующіе православную вѣру (въ противоположность галичанамъ и угроруссамъ, принадлежащимъ къ греко-уніатской церкви), вынуждены защищать свой языкъ не только противъ нѣмецкаго языка, господствующаго въ качествѣ государственнаго языка въ администраціи, Черновицкомъ университетѣ и среднихъ школахъ, но также противъ румынскаго, которымъ говоритъ значительная часть населенія Буковины, и польскаго, проникающаго сюда вмѣстѣ съ католической пропагандой изъ Галичины. Еще труднѣе ✓ живетъ угорскимъ малоруссамъ (600,000), которые, какъ народность, совершенно подавлены мадьярами. Въ предѣлахъ Угорской Руси мадья-

ирскому языку принадлежит исключительное право употребленія въ управленіи, школѣ и судахъ. Русскій языкъ допускается, и то съ большимъ ограниченіемъ, только въ катехизаціи и низшихъ училищахъ.

При такомъ положеніи дѣла литературное единеніе Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ важнѣйшее средство защиты малорусской народности противъ господства чужеземныхъ началъ, должно опираться на возможно болѣе прочныя основанія, на хорошо выработанный, богатый, литературный и образованный языкъ, который съ полнымъ правомъ можно было бы противопоставить иноземнымъ образованнымъ языкамъ, заявляющимъ притязаніе на господство на территоріи малорусскаго народа.

Какъ же стоитъ дѣло съ литературными и образованными языками въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси? Мои почтенные оппоненты въ «Кіевской Старинѣ», гг. В. П. Науменко и К. Михальчукъ, говорятъ, главнымъ образомъ, о Галицкой Руси и представляютъ себѣ дѣло такъ, что въ этой русской области вопросъ о литературномъ и образованномъ языкѣ уже рѣшенъ въ пользу мѣстнаго галицко-малорусскаго нарѣчія, за которымъ уже признаны нѣкоторыя права въ школахъ и администраціи и которое постепенно поднимается до уровня языка науки и высшей образованности. Такъ, г. К. Михальчукъ пишетъ:

«Вообще, въ Галичинѣ съ малорусскимъ литературнымъ языкомъ дѣло стоитъ уже такъ, что если бы здѣсь почему-либо въ самомъ дѣлѣ явилось вдругъ серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего родного языка и замѣнить его другимъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его языкомъ польскимъ, такъ какъ въ этомъ только направленіи и возможно здѣсь практическое осуществленіе подобнаго стремленія.» Но такое изображеніе дѣла не совсѣмъ согласно съ истиной. При разсмотрѣніи вопроса во всемъ его объемѣ нельзя имѣть въ виду только Галичину, а нужно считаться съ положеніемъ вещей въ Буковинѣ и Угорской Руси. Въ этихъ же областяхъ, какъ было указано, положеніе малорусской народности иное, чѣмъ въ Галичинѣ. Если въ Галичинѣ малорусское нарѣчіе пользуется нѣкоторыми, въ общемъ очень скромными, правами, то нужно помнить, что въ Буковинѣ развитіе его поставлено въ болѣе тѣсныя рамки, а въ Угорской Руси оно совсѣмъ не имѣетъ никакихъ правъ.

Затѣмъ, вопросъ о литературномъ и образованномъ языкѣ для малоруссовъ Галичины и Буковины не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. За такое его рѣшеніе, которое считаютъ единственно правильнымъ и возможнымъ гг. В. П. Науменко и К. Михальчукъ, ратуетъ лишь извѣстная политическая партія—

народническая, или украинофильская, или сепаратистская. Но вѣдь рядомъ съ этой партией существуетъ и другая партія, такъ называемая, старорусская (въ насмѣшку обзывается москалефильской партией, но въ сущности настоящая русская партія), которая стоитъ за обще-русскій языкъ, какъ за единственно возможный языкъ науки и высшей образованности для всѣхъ малоруссовъ Австро-Угрии. Языкъ этотъ, правда, не такой чистый, какимъ онъ является въ нашей литературѣ, употребляется какъ частью образованнаго малорусскаго общества, такъ и въ мѣстной печати. На немъ, а не только на малорусскомъ, въ Галичинѣ и Буковинѣ издаются газеты, журналы, ученые сочиненія; въ Угорской же Руси существующая тамъ ничтожная литература представлена только этимъ языкомъ. Раздается обще-русскій языкъ и въ общественныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ народно-просвѣтительными учрежденіями Галичины и Буковины, поддерживающими принципъ единства книжной рѣчи для всѣхъ вѣтвей русскаго народа. Старорусская партія, стоящая за этотъ принципъ, пользуется большимъ вліяніемъ въ народныхъ массахъ и, несмотря на преслѣдованія, какимъ подвергается время отъ времени, энергически заботится о распространеніи обще-русской литературы. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ Галичинѣ и Буковинѣ идетъ

борьба за литературный языкъ, исходъ которой едва ли можно еще предрѣшать. Борьба эта ведется во всѣхъ областяхъ политической и культурной жизни народа. Разныя перипетіи этой борьбы составляютъ главное содержаніе мѣстной прессы. Споръ о литературномъ языкѣ переносится и за границы малорусской территоріи. Такъ, напр., въ Вѣнѣ учащаяся въ университетѣ русская молодежь изъ Галичины и Буковины дѣлится между двумя студенческими обществами: одно изъ нихъ, «Буковина», держится обще-русскаго языка и старательно изучаетъ обще-русскую литературу, другое, «Сѣчь», стоитъ за обработку въ литературѣ малорусскаго нарѣчія и за литературный сепаратизмъ. Не видѣть и не чувствовать этой борьбы невозможно даже для поверхностнаго наблюдателя, интересующагося судьбами малорусскаго населенія въ Австро-Угрии. Тѣмъ удивительнѣе, что гг. ученые публицисты «Кіевской Старины», разбирая вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галичинѣ, почему-то совсѣмъ умалчиваютъ о галицкомъ литературномъ спорѣ и довольствуются нѣсколькими язвительными замѣчаніями по адресу сторонниковъ обще-русскаго языка. Но такое отношеніе ихъ къ дѣлу лишаетъ ихъ изложеніе той объективности и безпристрастія, которыхъ въ правѣ можно было бы ожидать отъ академическаго обсужденія важнаго вопроса на страницахъ ученаго из-

данія. Послѣднее обстоятельство вынуждаетъ меня коснуться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, нѣкоторыхъ сторонъ упомянутой культурной борьбы, которая по справедливости заслуживаетъ со стороны нашего образованнаго общества бѣльшаго вниманія, чѣмъ это наблюдается въ настоящее время.

Любопытно сопоставить силы обоихъ борющихся литературныхъ направленій. Сторонники обще-русскаго литературнаго языка удерживаютъ за собой слѣдующія народно-просвѣтительныя учрежденія и общества: Ставропигійскій институтъ, Народный домъ, «Русскую Матицу», политическое общество «Русскую раду», общество имени Михаила Качковскаго и значительное количество сельскихъ читаленъ и меньшихъ просвѣтительныхъ обществъ. На обще-русскомъ языкѣ выходитъ до 15 періодическихъ изданій, изъ которыхъ важнѣйшія: политическія газеты «Галичанинъ» (Львовъ), «Православная Буковина» и «Буковинскія Вѣдомости» (Черновцы), «Листокъ» (Ужгородъ, въ Угріи), «Русское Слово», литературно-научный журналъ «Живое слово» (Львовъ), сатирической журналъ «Страхопудъ» (Львовъ), вѣнскіе журналы «Наука» и «Просвѣщеніе», львовская «Русская Библіотека», «Сборникъ Русской Матицы», «Вѣстникъ Народнаго дома» и друг. Къ защитникамъ правъ обще-русскаго литературнаго и образованнаго языка принадлежали и при-

надлежатъ выдающіеся галицкіе, буковинскіе и угро-русскіе писатели, ученые и народные дѣятели, какъ-то: Я. О. Головацкій, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, о. І. Наумовичъ, славный народный писатель, основатель общества имени М. Качковскаго и журнала «Наука», пламенный патріотъ и «просвѣтитель галицкой Руси», почтенный историкъ Д. Зубрицкій, А. И. Добрянскій, доблестный защитникъ правъ угро-русской народности, поэты Хилякъ, Устіановичъ, Гушалевичъ, маститый археологъ, филологъ и историкъ Петрушевичъ, проф. Калужняцкій, видный народный вождь, журналистъ и писатель Б. А. Дѣдицкій, публицисты Марковъ, Свистунъ, Мончаловскій, Дудыкевичъ, историкъ - библіографъ Левицкій, этнографъ Яворскій и мног. друг. Произведенія этихъ писателей составляютъ довольно значительную мѣстную литературу на обще-русскомъ языкѣ. Противники старорусской партіи называютъ употребляемый ея представителями языкъ «язычіемъ», «искаженіемъ» настоящаго русскаго литературнаго языка. Но въ такихъ сужденіяхъ много преувеличенія. Допускаемая малорусскими писателями Галичины, Буковины и Угорской Руси нѣкоторыя отступленія отъ нашего литературнаго языка, выражающіяся въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ словъ и формъ, нисколько не мѣняютъ основнаго фона усвоеннаго ими обще-русскаго языка

и нисколько не умаляютъ значенія трудовъ на этомъ языкѣ. Затѣмъ, съ каждымъ годомъ галицко-русскій языкъ становится все чище и чище. Новѣйшій львовскій учено-литературный журналъ «Живое Слово» издается уже на языкѣ, почти безупречномъ въ отношеніи чистоты стиля. Наконецъ, разныя шероховатости и неловкія, съ нашей точки зрѣнія, выраженія постепенно сгладятся и исчезнутъ изъ литературнаго языка австрійскихъ малоруссовъ по мѣрѣ усиленія книжныхъ сношеній ихъ съ нашею Русью и болѣе близкаго знакомства съ обще-русскою литературой.

Народническая или украинофильская партія для достиженія своихъ цѣлей имѣетъ въ своемъ распоряженіи: ученое общество имени Шевченка, за послѣднее время проявившее особенно широкую издательскую дѣятельность, далѣе — общество «Просвѣта», педагогическое общество, политическое общество «Народна рада» и нѣсколько другихъ меньшихъ обществъ. Приверженцы этой партіи издаютъ нѣсколько политическихъ газетъ («Діло», «Русланъ», «Народна часопись», «Буковина», «Свобода», «Руська рада», «Громадскій голосъ», «Прапоръ»), служащихъ органами различныхъ фракцій, на которыя сравнительно недавно распалась народническая партія (фракціи польско-русская или но-

воэристская, социалистская, украинская) *), журналъ «Литературно-науковій вістник», «Записки науковаго товариства имени Шевченка», нѣсколько «Библіотекъ» и проч. Галицкая литература на малорусскомъ языкѣ выдѣлила довольно значительнаго поэта Федьковича, талантливаго новеллиста Ив. Франко и рядъ дѣятельныхъ ученыхъ—Огоновскаго, Колессу, Вехратьскаго, Гнатюка и др.

Взвѣшивая силы обѣихъ борящихся сторонъ, нужно признать, что внѣшній и матеріальный перевѣсъ принадлежитъ народнической партіи. Она стоитъ близко къ правительству и господствующей въ Галичинѣ польской партіи. Она добилаь употребленія малорусскаго народнаго нарѣчія въ низшихъ школахъ, въ пяти гимназіяхъ, отчасти во Львовскомъ и Черновицкомъ университетахъ (по нѣсколькимъ кафедрамъ), а равно признанія его правъ въ судахъ и администраціи. Она бойчѣе и исправнѣе ведетъ свои изданія, получая для многихъ изъ нихъ поддержку отъ сейма и правительства и частью изъ нашей Украины. Напротивъ, старорусская партія стоить на дурномъ счету у правительства, отстранена отъ всякаго участія въ

*) По новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ настоящее время опять подготавливается слияніе въ одно различныхъ фракцій украинофильской партіи, которая принимаетъ названіе «національно-демократической партіи».

областномъ управленіи и подвергается всякаго рода насиліямъ и притѣсненіямъ. Въ своей дѣятельности она не получаетъ ни откуда помощи и предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Зато на сторонѣ старорусской партіи нравственный перевѣсъ. Она ратуетъ не за какой-нибудь новый, наскоро придуманный и беспочвенный принципъ, а за старую идею обще-русскаго національнаго и культурнаго единства, которая въ нынѣшнемъ столѣтіи послужила для галицкихъ, буковинскихъ и угорскихъ малоруссовъ лозунгомъ ихъ національнаго возрожденія и по настоящее время глубоко коренится въ сознаниі простого народа. Представители старорусской партіи много сдѣлали какъ для поднятія народнаго духа галичанъ, буковинцевъ и угроруссовъ послѣ многовѣкового ихъ униженія, такъ и для развитія у нихъ литературы и просвѣщенія въ ту пору, когда еще не существовало между ними ни народовцевъ, ни украинофиловъ, ни сепаратистовъ. Ни прежде, ни теперь они не вступали въ компромиссы съ врагами своего народа, а всегда отстаивали и отстаиваютъ его право на пользованіе политической и духовной свободой. Данная имъ политическими ихъ противниками кличка «ренегатовъ» совершенно несправедлива. И къ народному языку они относятся съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ: допускаютъ широкое употребленіе его въ домашнемъ обиходѣ

и простонародной лигературѣ и лишь въ области науки и высшей образованности отстаиваютъ права обще-русскаго языка. Достаточно вспомнить о широкой просвѣтительной дѣятельности общества имени Мих. Качковскаго. За 25 лѣтъ своего существованія оно издало для народа 283 книжки, которыя разошлись въ двухъ милліонахъ экземпляровъ. О степени популярности этого общества можно судить по тому, что членами его состоятъ 559 народныхъ читаленъ. Праздновавшійся въ августѣ 1899 года юбилей общества привлекъ во Львовъ до 4,000 гостей изъ разныхъ концовъ Галичины и Буковины, при чемъ во время торжества произнесли прекрасныя рѣчи на обще-русскомъ литературномъ языкѣ не только представители духовной и свѣтской интеллигенціи, но и простые поселяне *).

*) Прекрасно охарактеризовалъ программу старорусской партіи одинъ изъ ораторовъ въ своей юбилейной рѣчи. Обращаясь къ народникамъ-сепаратистамъ съ вопросомъ, за что они нападаютъ и клеветуютъ на общество имени М. Качковскаго, ораторъ самъ же отвѣчаетъ: «За то, что мы постигли душу народную, за то, что хранимъ завѣты предковъ, за то, что дорожимъ нашею стариной и слѣдуемъ ея указаніямъ, за то, что проповѣдуемъ нерасторжимость русской народности отъ русской церкви, за то, что не отступаемъ отъ нашихъ народныхъ правъ и бережемъ народную честь, за то, что любимъ святую недѣлимую Русь и желаемъ ее видѣть сильной, славной, могущественной!»

Въ виду приведенныхъ фактовъ, рисующихъ положеніе вопроса о литературномъ и образованномъ языкѣ въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, приходится недоумѣвать по поводу категорическаго утвержденія нашихъ сторонниковъ малорусскаго литературнаго сепаратизма, что будто въ Галичинѣ «русскій книжный языкъ не можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ культурныхъ классовъ общества». Спрашивается, почему же такъ? Вѣдь, если общерусскій языкъ въ Галичинѣ и Буковинѣ находится подъ защитой и попеченіемъ цѣлой политической партіи, пользующейся большимъ вліяніемъ въ народѣ, если на этомъ языкѣ выходятъ газеты, журналы, пишутся и издаются поэтическія произведенія и научныя сочиненія, если знаніе и употребленіе этого языка все болѣе ширится и распространяется въ народѣ, то почему же нельзя надѣяться, что со временемъ и здѣсь онъ станетъ языкомъ столь же общедоступнымъ и необходимымъ для каждаго образованнаго человѣка, какимъ онъ давно уже сталъ на большей части территоріи малорусскаго народа. Почва для такого широкаго распространенія общерусскаго языка уже подготовлена. Необходимо только устранить препятствія, которыя тормозятъ успѣшное развитіе этого явленія. Главнѣйшее изъ нихъ заключается не столько въ австрійскомъ правительствѣ или въ польской

партіи, сколько въ расколѣ среди самой русской интеллигенціи, или, частнѣе, въ дѣятельности народнической партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы не существовало народнической или сепаратистской партіи, а принадлежащіе къ ней члены, вмѣсто того, чтобы трудиться надъ выработкой своего особаго украинско-русского научнаго и образованнаго языка, направили свои силы, въ полномъ единодушіи со старорусской партіей, на распространеніе общерусскаго языка, то положеніе дѣла въ русскихъ провинціяхъ Австріи было бы иное. Тогда, быть можетъ, и В. П. Науменку не приходилось бы задаваться вопросомъ — согласится или не согласится австрійское правительство на открытіе въ Галичинѣ и Буковинѣ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ съ общерусскимъ преподавательскимъ языкомъ, такъ какъ вопросъ этотъ самъ собою рѣшался бы въ пользу общерусскаго языка за отсутствіемъ нововыдуманнаго малорусскаго образованнаго языка. Все несчастіе малорусскаго народа въ Австро-Угріи въ томъ и заключается, что народническая партія народилась и выступила съ активной дѣятельностью какъ разъ въ ту пору, когда назрѣлъ вопросъ о допущеніи русскаго языка и въ среднія школы и въ администрацію. Возникшая со временъ Іосифа II русская письменность въ Галичинѣ и Угорской Руси была на томъ же старинномъ и

смѣшанномъ языкѣ, какой нѣкогда господствовалъ въ Западной Руси. Соборъ представителей малорусскаго народа 1848 г. постановилъ очищать галицко-русское нарѣчіе отъ полонизмовъ и сближать его съ литературнымъ языкомъ. Это сильное сближеніе и наблюдается въ произведеніяхъ писателей 50-хъ и 60-хъ годовъ. Галицкій діалектъ постепенно долженъ былъ приспособиться къ обще-русскому языку и, наконецъ, слиться съ нимъ, какъ это нѣкогда произошло въ Украинѣ и Бѣлоруссіи.

Въ 1866 г. виднѣйшіе вожди галицко-русскаго народа открыто заявили, что признаютъ національное и литературное единство галичанъ съ остальной Русью. Если бъ тотъ же лозунгъ приняли тогда и всѣ руководящіе круги галицко-русскаго общества и громко засвидѣтельствовали ту безспорную истину, что малоруссы, обитающіе въ Австро-Угріи, какъ часть одного русскаго народа, могутъ и должны пользоваться только обще-русскимъ уже выработаннымъ образованнымъ языкомъ, то австрійское правительство волей неволей должно было бы считаться съ этимъ фактомъ и рано или поздно не могло не предоставить этому языку тѣхъ же правъ, какими теперь пользуется народное галицко-малорусское нарѣчіе. Это было бы такъ же естественно, какъ признаніе извѣстныхъ правъ въ извѣстныхъ провинціяхъ имперіи за нѣмецкимъ, италіан-

скимъ или румынскимъ языками. Нѣмцы, италіанцы и румыны, пользуясь своими выработанными языками, господствующими въ Германіи, Италіи и Румынскомъ королевствѣ, въ силу одного этого не перестаютъ быть подданными государства Габсбурговъ. Подобнымъ образомъ и галицкіе, буковинскіе и угорскіе малоруссы, пользуясь обще-русскимъ языкомъ, какъ органомъ науки, литературы и высшей образованности, могли бы удобно оставаться хорошими вѣрноподданными австрійскаго императора. Набѣду какъ разъ въ это время, въ шестидесятыхъ годахъ, рѣзко выдвигается теорія объ отдѣльности малорусскаго народа и необходимости для него созданія своего особаго литературнаго и образованнаго языка. Выразительница этой теоріи народническая или украинская партія сразу вступила во враждебныя отношенія къ той части галицкой интеллигенціи, которая заботилась о поддержаніи литературнаго единенія между галицкими и буковинскими малоруссами и остальною Русью. Поборники этого единенія превратились въ глазахъ «народовцевъ и украинофиловъ» въ «москвофиловъ», «рenegатовъ», «измѣнниковъ». Между тѣмъ самое стремленіе къ поднятію галицко-малорусскаго нарѣчія до уровня языка науки и высшей образованности не было явленіемъ естественнымъ, которое обуславливалось бы состояніемъ малорусской литературы въ

Галичинѣ; литература эта тогда находилась въ зачаточномъ состояніи. Это стремленіе, какъ и все послѣдующее литературное движеніе, несомнѣнно имѣло нѣсколько искусственный характеръ и въ значительной степени политическую подкладку. На это ясно указываютъ такіе факты, какъ участіе въ движеніи поляковъ (напр. Стахурскій, Свѣнцицкій и др.), рѣзкое обособленіе ново-создаваемого языка отъ общерусскаго, введеніе фонетическаго правописанія, которое должно было и съ внѣшней стороны дѣлать малорусскую книгу не похожею на общерусскую и которое, однако, было узаконено правительствомъ, несмотря на протестъ заявленный императору отъ имени народа за 50,000 подписей, частое заявленіе въ новосозданной печати чувства ненависти и вражды къ Россіи, москалямъ, общерусскому языку, соглашеніе галицкихъ сторонниковъ литературнаго сепаратизма съ польскою партіей (программа В. Барвинскаго) и проч. Разъ среди малорусскаго образованнаго общества расколъ былъ созданъ, правительство и господствующая польская партія спѣшили имъ воспользоваться въ своихъ интересахъ. Конечно, они должны были поддержать малорусскую тенденцію. Возникавшій малорусскій литературный сепаратизмъ представлялъ имъ тройкую выгоду: онъ отчуждалъ и уединялъ австро-угорскихъ малоруссовъ отъ прочей Руси,

вносилъ рознь и несогласіе въ среду образованныхъ классовъ малорусскаго населенія Австро-Угрии и создавалъ болѣзненный наростъ на здоровомъ тѣлѣ русскаго народа. Что удивительнаго, если украинофильская партія пользуется вверху всякимъ покровительствомъ, а старорусская партія, напротивъ, подвергается всякаго рода гоненіямъ?

Какъ бы то ни было, почва для широкаго распространенія общерусскаго языка въ Галичинѣ и Буковинѣ подготовлена. Происходящее здѣсь движеніе въ пользу культурнаго единенія съ остальной Русью не можетъ быть подавлено уже въ силу того, что оно вполне естественно, законно и развивается параллельно съ успѣхами общерусскаго языка во всѣхъ областяхъ славянскаго міра. Слѣдовательно, если бы и народническая партія, отказавшись отъ принятой ею на себя нецѣлесообразной работы по созданію новаго образованнаго языка, тоже пошла навстрѣчу указанному движенію, то полное приобщеніе русскаго населенія Галичины и Буковины къ общерусскому литературному и образованному языку могло бы совершиться въ очень скоромъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылась бы надежда на спасеніе погибающаго подъ мадьярскимъ гнетомъ угро-русскаго населенія. Я не могу согласиться съ г. К. Михальчукомъ, который утверждаетъ, что если бы въ Галичинѣ «почему-либо въ са-

момъ дѣлѣ явилось вдругъ серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего родного языка и замѣнить его другимъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его языкомъ польскимъ». По моему мнѣнію, приведенныя соображенія даютъ полное основаніе заключить, что въ случаѣ, на который указываетъ г. К. Михальчукъ, роль образованнаго и научнаго языка естественно долженъ занять языкъ обще-русскій.

Что касается затронутаго г. К. Михальчукомъ вопроса о возможности отказа галицкихъ дѣятелей отъ попытокъ создать свой особый образованный языкъ, то мысль эта не представляетъ ничего несбыточнаго или неосуществимаго. Въ исторіи новѣйшаго славянскаго возрожденія можно указать любопытный фактъ подобнаго отреченія народа отъ мѣстнаго провинціального нарѣчія, уже имѣвшаго литературную обработку, въ пользу другого болѣе выработаннаго и болѣе широко распространеннаго языка. Хорваты въ первой четверти нынѣшняго столѣтія разрабатывали въ литературѣ свое т. н. кайкавское нарѣчіе, но затѣмъ въ 30-хъ годахъ подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля иллирства Л. Гая отказались отъ провинціального нарѣчія и перешли къ общему сербо-хорватскому языку, который господствуетъ въ Далмаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи, имѣлъ уже славныхъ писателей въ

Далматинскую эпоху и получилъ обработку въ трудахъ сербскихъ писателей Досиея Обрадовича и Вука Караджича. Съ того времени этотъ языкъ остается у хорватовъ и доселѣ языкомъ науки, школы, литературы и общественной жизни. Почему бы нѣчто подобное не могло произойти въ Галицкой и Буковинской Руси? Конечно, для этого прежде всего необходимо, чтобы народническая партія, покончивъ со своими сепаратистскими теоріями, добровольно прониклась обще-русскимъ сознаниемъ и истинною любовью къ своему народу. Возможность переворота въ указанномъ направленіи облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что научная литература на малорусскомъ языкѣ еще такъ не велика, представлена такимъ незначительнымъ количествомъ книгъ, а научный малорусскій языкъ такъ еще не выработанъ, что отреченіе и отъ этого языка, и отъ этой литературы не будетъ для малорусскихъ патриотовъ дѣломъ особенно труднымъ. Но самую большую помощь при принесеніи этой маленькой жертвы можетъ имъ оказать сознаніе, что вся предпринятая ими работа надъ созданиемъ особаго научнаго и образованнаго украинско-русского языка, независимо отъ представляемыхъ ею трудностей, заключаетъ въ себѣ, съ точки зрѣнія блага австро-угорскихъ малоруссовъ, болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ сторонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, малорусскій литературный

сепаратизмъ, подготовляемый въ Галичинѣ и Буковинѣ, тогда могъ бы получить извѣстную силу и значеніе, если бъ были какія-нибудь основанія для увѣренности, что со временемъ онъ распространится и на русскую Украину, какъ объ этомъ мечтаютъ многіе народовцы и украинофилы. Но вѣдь нельзя же питать серьезно надеждъ на то, что въ близкомъ или далекомъ будущемъ вся Малороссія будетъ пользоваться въ школахъ, администраціи, судахъ, общественной жизни тѣмъ новымъ образованнымъ языкомъ, надъ выработкой котораго теперь трудится кучка львовскихъ ученыхъ и публицистовъ; что на этомъ языкѣ будутъ читаться лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Кіева, Харькова и Одессы, и что на немъ, а не на обще-русскомъ языкѣ будутъ печататься въ кіевскихъ типографіяхъ ученныя книги по медицинѣ, математикѣ, естествознанію и филологіи. Такъ какъ всѣ эти и подобныя имъ мечтанія не осуществимы, потому что противъ нихъ, какъ уже было показано, идутъ сама жизнь и законъ культурнаго развитія народовъ, то, значитъ, вся работа по созданію особаго малорусскаго образованнаго языка совершается ради малоруссовъ Галичины и Буковины. (Вѣдь въ Угорскую Русь не проникаютъ плоды этой работы). Но насколько плодотворна и богата результатами можетъ быть по-

добная работа? Развѣ трехмилліонный бѣдный народъ, съ такою же бѣдной малочисленною интеллигенціей, въ состояніи создать свою научную литературу на языкѣ, который еще надо выработать, да еще при условіи, что часть самого народа и его интеллигенціи явно выражаетъ несочувствіе такой нецѣлесообразной работѣ и открыто примыкаетъ къ уже готовой, богатой общерусской литературѣ? Очевидно, галицко-буковинскіе ученые, предоставленные самимъ себѣ, и въ сто лѣтъ не успѣютъ создать трудовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, которые содержали бы только азы науки. Ничтожно будетъ количество ученыхъ изданій въ такой литературѣ, ничтожно и число читателей такихъ изданій. Зато при недостаткѣ положительныхъ сторонъ ново-созидаемая «українсько-руська» литература представляетъ не мало вполне очевидныхъ отрицательныхъ сторонъ. Поддерживая рознь въ образованныхъ кругахъ малорусскаго общества Галичины и Буковины, она должна отдалять австро-угорскихъ малоруссовъ отъ остальной Руси; затрудняя для нихъ пользованіе богатой русской литературой, она тѣмъ самымъ, конечно, открываетъ широкій доступъ къ нимъ чужихъ образованныхъ языковъ и литературъ. Поэтому я попрежнему настаиваю на безусловной вѣрности высказанной мною раньше мысли, вызвавшей цѣлый взрывъ негодованія со стороны моихъ критиковъ: стре-

мленіе галицко-русскихъ дѣятелей поднять малорусское нарѣчіе до уровня языка науки и высшей образованности слѣдуетъ признать явленіемъ отрицательнымъ, которое самой Галицкой и Буковинской Руси можетъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Подобное стремленіе, по моему мнѣнію, не можетъ заслуживать ни сочувствія, ни поддержки со стороны искреннихъ друзей малорусскаго народа. Напротивъ, полное право на то и другое имѣетъ та часть образованнаго малорусскаго общества Галичины и Буковины, которая борится за обще-русскій языкъ. Я вполне присоединяюсь къ тому, что еще недавно писалъ въ русской газетѣ одинъ изъ представителей старорусской партіи: «Въ Галиціи можно и слѣдуетъ поддерживать одинъ только обще-русскій языкъ, который распространяется тамъ все болѣе и болѣе и который при нынѣшнихъ роковыхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья единственно можетъ сохрानить его для всего русскаго міра.» Иначе думаетъ В. П. Науменко, выставившій такой тезисъ: «Попытки нѣкоторыхъ галицкихъ кружковъ изъ культурнаго класса распространить путемъ литературы (но не школы, такъ какъ въ Австріи этого не позволяютъ) русскій книжный языкъ и сдѣлать его языкомъ своей книжности—мы считаемъ... не только не полезными, но прямо вредящими ходу развитія малорусскаго національнаго дѣла въ

Австріи.» Насколько правильна такая точка зрѣнія, показываетъ вся аргументація настоящей моей статьи. Здѣсь достаточно будетъ прибавить, что той же самой точки зрѣнія держатся и галицко-буковинскіе народовцы, украинофилы и сепаратисты. Считая дѣятельность сторонниковъ обще-русскаго языка и литературы «вредной для малорусскаго національнаго дѣла», они искусно пользуются своею близостью къ правительственнымъ кружкамъ и не стѣсняются въ выборѣ средствъ для преслѣдованія своихъ политическихъ противниковъ. Вотъ въ этомъ внутреннемъ раздорѣ руководящихъ классовъ общества, основанномъ на извращеніи чувства народности, и заключается главная причина того трагическаго положенія, какое переживаетъ нынѣ столь близкая намъ, родная обездоленная Прикарпатская Русь.

Я подошелъ къ категорическому отвѣту на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ настоящей статьи. Заграничная Русь не имѣетъ никакой надобности въ созданіи своего особаго научнаго и образованнаго языка. Такимъ языкомъ удобно можетъ служить ей, какъ служитъ другимъ частямъ малорусскаго народа, языкъ обще-русскій, Языкъ этотъ уже извѣстенъ значительной части малорусскаго образованнаго общества въ Австріи и легко можетъ получить значеніе общаго образованнаго языка въ Руси Галицкой и Буко-

винской, а затѣмъ и въ Угорской, если будутъ устранены препятствія, созданныя дѣятельностью народнической партіи. Само собой разумѣется, что пользованіе обще-русскимъ языкомъ, какъ органомъ высшей образованности и науки, не можетъ мѣшать широкому употребленію мѣстнаго нарѣчія въ домашнемъ обиходѣ и просто-народной литературѣ. Созданіе для Галицкой и Буковинской Руси особаго образованнаго языка не только не облегчитъ народу веденія борьбы за національную и политическую самостоятельность, но, напротивъ, задержитъ успѣхи его національнаго развитія. Единственное спасеніе для австро-угорскихъ малоруссовъ — возможно скорое и широкое усвоеніе обще-русскаго языка. Въ этомъ важномъ дѣлѣ можетъ и должна къ нимъ придти на помощь только наша Русь. Передъ русскимъ образованнымъ обществомъ, какъ великоруссами, такъ и малоруссами, стоитъ высокая и благородная задача принять подъ свою защиту и покровительство духовныя нужды нашихъ зарубежныхъ братьевъ и облегчить имъ успѣшный выходъ изъ переживаемой ими тяжелой внутренней борьбы. Въ чемъ и какъ можетъ выразиться эта помощь и поддержка, это — особый весьма важный вопросъ, надъ которымъ стоитъ поразмыслить и поработать.

V.

«Наукове Товариство імени Шевченка» и создаваемый имъ научный «українсько-руський» языкъ.

Новѣйшее малорусское литературное движеніе, какъ извѣстно, сосредоточено преимущественно въ Галичинѣ и Буковинѣ. Въ предѣлахъ Россіи оно представлено очень слабо и выражается только въ появленіи время отъ времени немногочисленныхъ новыхъ беллетристическихъ произведеній, преимущественно театральныхъ піесъ, въ перепечаткѣ сочиненій нѣкоторыхъ старыхъ малорусскихъ писателей и въ изданіи небольшого количества книгъ для простонароднаго чтенія. Гораздо шире развивается дѣло въ Галичинѣ и Буковинѣ. Здѣсь создается особая малорусская литература весьма разнообразнаго содержанія. На малорусскомъ или, точнѣе, «українсько-руськомъ» языкѣ печатаются учебники для низшихъ и среднихъ школъ, издаются газеты и журналы,

появляются книги не только беллетристического, но и ученаго содержанія. Здѣсь же разрабатываются планы и проекты основанія «українсько-руського» университета и «українсько-руської» академіи наукъ. Главнымъ очагомъ всего этого движенія служить собственно одно учрежденіе — Львовское «Наукове Товариство імени Шевченка», существующее уже 26 лѣтъ. Около него группируются всѣ мѣстные сторонники малорусскаго литературнаго сепаратизма, къ нему тяготѣютъ и сочувствующіе этому сепаратизму наши украинцы. «Товариство» задаетъ тонъ всему движенію, руководитъ имъ, намѣчаетъ его конечныя цѣли и задачи. Между прочимъ, оно приняло на себя и главныя заботы о выработкѣ новаго научнаго «українсько-руського» языка.

Въ виду такой важной роли Общества имени Шевченка въ современномъ малорусскомъ литературномъ движеніи, нельзя не удѣлить этому обществу нѣкотораго вниманія съ цѣлью болѣе полного выясненія занимающаго насъ общаго вопроса о поднятїи малорусскаго языка до уровня языка науки и высшей образованности. Любопытно присмотрѣться къ дѣятельности «Товариства» и ближе познакомиться съ типомъ выработываемаго имъ научнаго языка.

Общество имени Шевченка основано во Львовѣ въ 1873 г. по инициативѣ девяти представителей народнической партїи, между которыми особенно

видную роль играли Е. Огоновскій, Романчукъ и С. Качала. Возникло оно на средства, доставленныя изъ Россїи (г-жей Милорадовичъ и М. Жученко). Средства этихъ было настолько достаточно, что общество съ самаго начала обзавелось своей типографіей, поставивъ главной своей задачей — содѣйствовать изданію книгъ на малорусскомъ языкѣ. Въ первыя двадцать лѣтъ дѣятельность общества была ограничена довольно тѣсными рамками. Она состояла почти исключительно въ матеріальной поддержкѣ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій (особенно журн. «Правда»), затѣмъ въ изданіи своего журнала «Зоря» и въ печатаніи отдѣльныхъ сочиненій, между которыми особенно выдаются труды д-ра Е. Огоновскаго (по языку и исторїи литературы), имѣвшіе цѣлью обоснованіе положенія объ отдѣльности и самостоятельности малорусскаго языка и народа. Нѣкоторое оживленіе въ дѣятельности общества обнаруживается только съ 1892 г., когда оно благодаря заботамъ своего предсѣдателя Ал. Барвинскаго получило новый уставъ и превратилось въ «ученое общество», поставившее своей задачей «разработку всѣхъ отраслей знанія на «українсько-руськомъ языкѣ». Оно раздѣлилось на три «секціи» — филологическую, историко-философскую и естественно-математико-медицинскую и начало издавать свой ученый журналъ «Записки», который первоначально выходилъ по

одной книжкѣ въ годъ. Но настоящую широкую и разностороннюю дѣятельность развиваетъ «Товариство» только съ 1894 г., со времени появленія во Львовѣ въ качествѣ профессора русской исторіи въ мѣстномъ университетѣ магистра университета св. Владимира М. С. Грушевскаго, вскорѣ сдѣлавшагося предсѣдателемъ («головой») «Товариства». Приѣздъ въ Галичину молодого русскаго ученаго и немедленное выступленіе его въ роли дѣятельнаго члена «Товариства» имѣло значеніе крупнаго событія въ исторіи развитія малорусскаго литературнаго сепаратизма. Какъ разъ въ это время, т. е. въ 1894 г., скончался д-ръ Ем. Огоновскій, главная опора литературнаго украинофильства въ Галичинѣ. Между мѣстными людьми народнической партіи, уже распавшейся на нѣсколько политическихъ фракцій, не было такого лица, которое, обладая научнымъ авторитетомъ, стояло бы внѣ партійныхъ счетовъ и потому съ успѣхомъ могло бы взять въ свои руки дѣло дальнѣйшаго развитія литературнаго сепаратизма. Такое лицо выслала въ Галичину наша Украина. Малоруссъ по происхожденію и русскій подданный, питомецъ историко-филологическаго факультета университета св. Владимира, бывшій профессорскій стипендіатъ, удостоенный факультетомъ степени магистра русской исторіи за сочиненіе, изданное на обще-русскомъ литературномъ языкѣ, М. С. Грушевскій оказался самымъ подходящимъ

кандидатомъ для замѣщенія важнаго поста, оставшагося вакантнымъ послѣ смерти д-ра Е. Огоновскаго. Независимо отъ своихъ личныхъ качествъ и дарованій и извѣстнаго научнаго авторитета, санкціонированнаго ученою степенью магистра, онъ былъ особенно пріятель и дорогъ народнической партіи, какъ малоруссъ, имѣвшій большія связи съ русской Украиной. Переѣздъ его въ Галичину открывалъ партіи надежду на возможность широкой пропаганды въ Россіи основныхъ идей «Товариства» и полученія изъ нашей Украины дѣятельной матеріальной и нравственной поддержки. Всѣ эти надежды и ожиданія галицкихъ сепаратистовъ прекрасно оправдалъ М. С. Грушевскій. Онъ сталъ настоящимъ энергичнымъ вождемъ украинофильскаго движенія въ Галичинѣ и широко раздвинулъ рамки дѣятельности «Научоваго Товариства імени Шевченка». Пишущій эти строки да, вѣроятно, и многіе другіе профессора историко-филологическаго факультета университета св. Владимира не могутъ не испытывать чувства душевной горечи и обиды, ближе знакомясь съ разнородными фактами дѣятельности г. Грушевскаго, какъ руководителя литературно-сепаратистскаго движенія въ Галичинѣ. Поистинѣ удивительно, какимъ образомъ русскій образованный и ученый человѣкъ, имѣвшій возможность въ свои школьные годы (въ противоположность нѣкоторымъ галицкимъ ученымъ сепаратистскаго

толка) близко познакомиться съ необъятной силой русской ученой литературы и міровымъ значеніемъ обще-русскаго языка, явившись въ Галичину, выступилъ горячимъ противникомъ идеи распространенія этого могучаго языка и этой богатой литературы среди русскаго населенія Австріи. вмѣсто того, чтобы, пользуясь своимъ положеніемъ ученаго профессора, разъяснить сторонникамъ народнической партіи всю неестественность, искусственность, беспочвенность и бесплодность ихъ литературныхъ затѣй и украинофильскихъ плановъ, онъ выступилъ ревностнымъ поборникомъ такого дѣла, которое должно закрывать галицкимъ и буковинскимъ малоруссамъ доступъ къ обще-русской литературѣ и приводить ихъ къ отчужденію отъ остальной Руси. Какія невѣдомыя и темныя силы толкнули молодого ученаго, изъ котораго могъ выработаться хорошій дѣятель русской науки, на путь столь сомнительнаго служенія близкому для него малорусскому народу и вскормившей и воспитавшей его родинѣ?

Какъ бы то ни было, Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій, теперь переименовавшій себя въ «Михайла Грушевського», съ самаго своего приѣзда во Львовъ обнаружилъ изумительную энергію и оытность въ веденіи литературнаго дѣла, словно онъ заранѣе готовился къ той дѣятельной роли, какую принялъ на себя. Съ необык-

новеннымъ трудолюбіемъ онъ принялся за сочинительство на малорусскомъ языкѣ и за шесть лѣтъ своего пребыванія во Львовѣ написалъ огромное количество работъ по южно-русской исторіи, какъ-то: статей, монографій, сообщеній, замѣтокъ, бібліографическихъ обзоровъ, даже повѣстей и рассказовъ на историческіе сюжеты и темы. Наполняя своими трудами различной цѣны и значенія изданія «Товариства», онъ въ то же время состоитъ редакторомъ главнѣйшихъ изъ нихъ, а именно — «Записокъ», которыя стали выходить книжками шесть разъ въ годъ, и «Літературно-наукового Вістника», ежемѣсячнаго журнала, назначеннаго для большой публики. Независимо отъ того онъ издаетъ цѣлыми томами историческіе матеріалы и ведетъ большую работу — тенденціозную по замыслу и исполненію «Исторію Украины Руси», первый томъ которой уже вышелъ, а второй печатается. Подъ руководствомъ М. С. Грушевскаго «Товариство» получило новую организацію, которая, по мысли предсѣдателя, должна облегчить превращеніе ученаго общества въ академию наукъ; такъ, при секціяхъ образованы особыя комиссіи — археологическая, этнографическая и медицинская. Издательская дѣятельность «Товариства» также расширилась весьма значительно. Кромѣ упомянутыхъ уже «Записокъ» и «Вістника», служащихъ общими органами общества,

выходятъ спеціальныя «Сборники» отдѣльныхъ секцій и комиссій, а также издаются: юридическій журналъ (Правничя Часопись), Источники «українсько-руської» історіи («Жерела до історіи України Руси»), «Руська історична бібліотека» и «Російсько-Український словарь» М. Уманця. Въ 1898 г. было издано 18 томовъ. На изданія 1899 года по смѣтѣ ассигновано 16,250 гульденовъ. И денежныя средства «Товариства» также весьма увеличились за время предсѣдательства М. С. Грушевскаго. Къ ежегодной субсидіи отъ сейма и министерства народнаго просвѣщенія (5,500 гульд.) теперь присоединяются довольно значительныя пожертвованія, притекающія изъ нашей Украйны. Такъ, въ 1898 г. одинъ украинець, имя котораго пока остается неизвѣстнымъ, пожертвовалъ 45,000 гульд. на фондъ для устройства «Українсько-руського» университета. На эти деньги «Товариство» уже приобрѣло собственный домъ въ 140,000 гульд. Сверхъ того М. С. Грушевскій установилъ особые сборы пожертвованій для образованія двухъ фондовъ—для учрежденія «українсько-руської» академіи и для приготовления профессоровъ для будущаго «українсько-руського» университета. Почитатели же М. С. Грушевскаго учредили спеціальній фондъ его имени для поддержки занимающейся наукой молодежи. Всѣ эти фонды, пока еще незначительныя, также составляютъ главнѣйше

изъ мелкихъ пожертвованій, присылаемыхъ изъ Россіи.

Такова въ общихъ чертахъ ви́шняя сторона дѣятельности Ученаго общества имени Шевченка. Приведенные факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ какъ о большой энергіи и предприимчивости новаго предсѣдателя и ближайшихъ его сотрудниковъ, такъ и о быстромъ развитіи дѣятельности «Товариства». Но, касаясь ви́шней стороны жизни общества, нельзя оставить безъ вниманія и внутренней ея стороны. И вотъ тутъ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Какое значеніе имѣетъ дѣятельность «Товариства»? Соответствуетъ ли она насущнымъ нуждамъ галицко-русскаго народа? Насколько значительны и цѣнны достигнутые ею результаты? Предсѣдатель «Товариства» г. М. Грушевскій на этотъ счетъ имѣетъ, повидимому, самыя свѣтлыя мысли. Въ общемъ собраніи общества, 2 февраля нынѣшняго года, онъ заявилъ съ гордостью и нѣкоторымъ паѳосомъ слѣдующее: «На нынѣшнюю высоту «Товариство» поднялось лишь за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Проживши первыя десятилѣтія своего существованія въ весьма скромной обстановкѣ, за послѣднія пять лѣтъ оно выпустило въ свѣтъ болѣе 50 томовъ научныхъ изданій; оно, можно сказать, создало украинско-русскую науку въ глазахъ и понятіяхъ ученаго міра («сотворило украинсь-

ко-руську науку в очах і понятях ученого світа»), вызвало и воспитало кадры работников науки в разных ее областях, стало главным очагом, средоточием культурной работы для всех краев Украины Руси и высоко подняло знамя украинско-русской культуры («стало головним огнищем, осередком культурної роботи для всіх країв України Руси та височенько підняло прапор українсько-руської культури»)!» Но с таким взглядом, исполненным не малаго хвастовства и самомнѣнія, без сомнѣнія, не согласится ни одинъ объективный наблюдатель галицкаго малорусскаго литературнаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, ужели можно серьезно думать, что пятьдесятъ или даже сотня томовъ книгъ (положимъ, даже дѣльныхъ) ученаго содержанія на малорусскомъ языкѣ могутъ служить доказательствомъ существованія особой «українсько-руської» науки и высокаго положенія «українсько-руської» культуры? Кому же неизвѣстно, что наука у народовъ не создается кружкомъ ученыхъ изъ 10—15 лицъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ, а является результатомъ продолжительныхъ настойчивыхъ трудовъ нѣсколькихъ поколѣній образованныхъ классовъ всего народа и предполагаетъ существованіе не десятковъ и даже сотенъ, а тысячъ книгъ, изъ которыхъ одни содержатъ изслѣдованія разныхъ частныхъ вопросовъ

изъ всевозможныхъ областей знанія, а другія представляютъ систематическіе обзоры цѣлыхъ наукъ или крупныхъ ихъ отдѣловъ. При этомъ необходимо должно присутствовать налицо болѣе или менѣе значительное количество трудовъ, вполне самостоятельныхъ, существенно обогащающихъ науку и принадлежащихъ ученымъ, которые составили себѣ имя силою своей мысли и таланта. Что же представляетъ собою съ этой точки зрѣнія «українсько-руська» литература, создаваемая Обществомъ имени Шевченка? Если имѣть въ виду не только 50 томовъ, о которыхъ говоритъ г. Грушевскій, но и все вообще изданія «Товариства», въ общей сложности около 80 томовъ, то оказывается, что большая часть ихъ относится къ изученію малорусскаго народа въ историческомъ, этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Но, разбирая эти томы, мы находимъ: во-первыхъ, что наибольшую цѣну между ними представляютъ тѣ, которые содержатъ не изслѣдованіе научныхъ вопросовъ, а сырой матеріаль, какъ-то: изданія историческихъ актовъ, памятниковъ старинной литературы (напр., апокрифовъ), образцовъ народныхъ говоровъ и проч.; во-вторыхъ, что значительное количество томовъ содержатъ непонятно зачѣмъ сдѣланные переводы съ обще-русскаго языка на «українсько-руський» сочиненій русскихъ историковъ—Костомарова, Иловайскаго, Антоновича, Дашкеви-

ча, Драгоманова, Линниченка и др., и, въ-третьихъ, что въ важнѣйшемъ и наиболѣе численномъ по количеству томовъ изданій—«Запискахъ»—значительную и при томъ лучшую часть составляютъ обзоры и пересказы содержанія ученыхъ сочиненій и изданій на обще-русскомъ языкѣ. Что касается другихъ, болѣе общихъ отраслей знанія, то имъ посвящено такъ мало изданій, а въ «Запискахъ» отводится такъ мало мѣста, что просто смѣшно говорить о самостоятельной разработкѣ въ «українсько-руськой» литературѣ такихъ наукъ, какъ медицина, математика, естествознаніе, право. Десятковъ, другой мелкихъ статей и сообщеній по частнымъ вопросамъ этихъ наукъ имѣютъ значеніе вывѣски для «Товариства», какъ нѣкое оправданіе фикціи о высокомъ развитіи «українсько-руськой культуры». Не представляетъ эта новая «ученая» литература ни одного большого цѣльнаго и оригинальнаго сочиненія по какой-либо наукѣ, если не считать пресловутой «Исторіи русской литературы» покойнаго Е. Огоновскаго и новѣйшей «Исторіи Украины Руси» М. Грушевскаго, которая, судя по первому тому, въ отношеніи тенденціозности не будетъ уступать труду Огоновскаго *). Изданія «Товариства» заполняются обыкновенно небольшими статьями, замѣтками, сообщеніями

*) Свое сочиненіе по малорусской діалектологіи Е. М. Огоновскій предпочелъ издать на нѣмецкомъ языкѣ.

большею частію весьма невысокой научной цѣны. Не видно среди дѣятелей «Товариства» ни обилія ученыхъ силъ, ни настоящихъ талантовъ, хотя бы и немногочисленныхъ. Главными работниками и самыми плодовитыми вкладчиками въ изданія «Товариства» являются два лица—М. С. Грушевскій и д-ръ И. Франко. Рядомъ съ ними можно назвать еще 8—10 именъ лицъ, труды которыхъ имѣютъ болѣе или менѣе научный характеръ (напр., Колесса, Томашевскій, Верхратскій, Гнатюкъ, Озаркевичъ и др.). М. С. Грушевскій въ своемъ отчетѣ о дѣятельности Общества имени Шевченка за 1898 г., между прочимъ, съ чувствомъ особаго удовольствія отмѣчаетъ, что въ ученыхъ изданіяхъ «Товариства» участвовало 74 писателя, въ томъ числѣ 4 женщины. Но относительно ученой подготовки большей части этихъ писателей и достоинства ихъ произведеній можно сказать *mutatis mutandis* то же самое, что нѣсколько лѣтъ назадъ сказалъ про новѣйшихъ малорусскихъ беллетристовъ одинъ изъ галицко-русскихъ писателей. Это «не писатели, не поэты, даже не литературные люди, а просто политическіе солдаты, которые получили приказаніе: сочинять литературу, писать вирши по заказу, на срокъ, на фунты. Вотъ и сыплются, какъ изъ рога обилія, безграмотныя литературныя «произведенія», а въ каждомъ изъ нихъ «ненька Украина» и «клятый москаль»

водятся за чубы. Ни малѣйшаго слѣда таланта или вдохновенія, ни смутнаго понятія о литературной формѣ и эстетикѣ не проявляютъ эти «малые Тарасики», какъ остроумно назвалъ ихъ Драгомановъ, но этого всего отъ нихъ не требуется, лишь бы они заполняли столбцы «Зори» и «Правды», лишь бы можно было статистически доказать міру, что дескать, какъ же мы не самостоятельный народъ, а литература наша не самостоятельная, не отличная отъ «московской», если у насъ имѣется цѣлыхъ 11 драматурговъ, 22 беллетриста и 37¹/₂ поэта, которыхъ фамиліи оканчиваются на—«енко»? («Бесѣда» 1894 г.).

Въ такомъ видѣ рисуется передъ нами внутренняя сторона дѣятельности Общества имени Шевченка. Какъ видимъ, она стоитъ не высоко. Настоящіе результаты дѣятельности «Товариства» не соотвѣтствуютъ оптимистическимъ взглядамъ его предсѣдателя и во всякомъ случаѣ не даютъ права утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что «Товариство» «создало украинсько-руську науку». Такой науки пока мы не видимъ, а видимъ только попытки создать нѣчто въ родѣ «науки». Но еще вопросъ, насколько эти попытки удачны и вообще цѣлесообразны. Во всякомъ случаѣ, предпринятая «Товариствомъ» работа по созданію научной литературы на «украинсько-руськомъ» языкѣ находится въ самомъ началѣ, и успѣхъ ея подлежитъ большому сомнѣнію. Отсюда весьма

наивными и смѣшными представляются всѣ указанные толки и заботы объ учрежденіи «украинсько-руського» университета и украинсько-руської академіи наукъ. Гдѣ тѣ «украинсько-руськіе» ученые, которые въ качествѣ членовъ будущей академіи будутъ разрабатывать на «украинсько-руськомъ» языкѣ математику, физику, химию, языкознаніе или политическія и социальныя науки? Откуда возьмутся профессора для будущаго «украинсько-руського» университета? Гдѣ тѣ научныя пособія и курсы на «украинсько-руськомъ» языкѣ, безъ которыхъ немислимо академическое преподаваніе наукъ? Гдѣ, наконецъ, выработанный научный языкъ и установившаяся научная терминологія? Нужно быть совершенно близорукимъ, чтобы не видѣть, сколько неестественнаго, дѣланнаго, искусственнаго заключаетъ въ себѣ вся дѣятельность «Товариства». Въ силу фантастичности своихъ плановъ и задачъ она стоитъ слишкомъ далеко отъ насущныхъ нуждъ галицко-русскаго народа и потому пользуется съ его стороны очень малымъ сочувствіемъ и поддержкой. Доказательство равнодушія большей части образованнаго общества Галицкой и Буковинской Руси къ дѣятельности «Товариства» можно найти въ отчетахъ послѣдняго. На какія средства существуетъ «Товариство»? Да главнѣйше на правительственную, впрочемъ, довольно скромную субсидію и на бо-

лѣе или менѣе значительныя пожертвованія, присылаемыя изъ Россіи. Мѣстное галицко-буковинское общество удѣляетъ ничтожныя крохи. Такъ, въ 1898 г. членскіе взносы дали въ кассу общества всего 720 гульденовъ. Зато, быть можетъ, мѣстные образованные люди усердно покупаютъ и поддерживаютъ изданія «Товариства»? Но и этого нѣтъ. Въ отчетахъ, составляемыхъ вообще очень обстоятельно, не оказывается свѣдѣній о количествѣ проданныхъ экземпляровъ научныхъ изданій и, по всей вѣроятности, потому, что количество это ничтожно. Зато отчетъ за 1898 г. съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, какъ доказательство успѣха издательской дѣятельности «Товариства», тотъ фактъ, что «Літературно-научовий Вістникъ» имѣлъ 890 подписчиковъ. Несмотря на такой успѣхъ (!) этого изданія, въ смѣту на 1899 г. внесена статья: 1,500 гульд. на покрытіе возможнаго дефицита по изданію «Вістника». Впрочемъ, и самъ предсѣдатель «Товариства» въ общемъ собраніи 2 февраля нынѣшняго года сознался, что будущность «Товариства» и его культурной работы «не заключаетъ въ себѣ ничего прочнаго, что средства его истощены до послѣдней степени и что доходы не обезпечены». («Записки». 1899. II В.).

Искусственность и тенденціозность—характерныя черты дѣятельности «Товариства». Онѣ отражаются и на внѣшности его изданій. Въ своей

литературной производительности отправляясь отъ принципа отдѣльности и самостоятельности малорусскаго языка и народа, «Товариство» видитъ одну изъ своихъ задачъ въ томъ, чтобы обосновать и доказать этотъ ложный по существу своему принципъ, и потому заботится о томъ, чтобы издаваемые имъ книги и въ отношеніи правописанія, и по языку стояли какъ можно дальше отъ книгъ, печатающихся на обще-русскомъ языкѣ. Эта сторона дѣятельности «Товариства» также представляетъ много любопытнаго и поучительнаго.

Въ настоящее время всѣ книги и изданія «Товариства», а равно учебники и всякія офиціальныя бумаги на малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ и Буковинѣ печатаются особымъ правописаніемъ, т. н. фонетическимъ, отличающимся отъ того правописанія (этимологическаго), которое принято въ нашемъ литературномъ языкѣ и которое употребляется въ малорусскихъ книгахъ, печатающихся въ Россіи, а также издающихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, но отъ имени обществъ и частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ українофильской партіи. Сущность фонетическаго правописанія состоитъ въ томъ, что слова пишутся такъ, какъ произносятся; напр., общерусскія входъ, отецъ, звѣзды, конь передаются по-малорусски фонетическимъ правописаніемъ слѣдующимъ образомъ: вхїд, отецъ (и

вітець,) звiзди, кiнь. Слiдовательно получается виiшнее несходство между одинакими обще-русскими (книжными) и «українсько-руськими» словами. Но, вiдь, тi же самыя слова и для великорусса будутъ имiть отличную отъ обще-русской (книжной) формы, если ихъ передать фонетическимъ правописанiемъ: вхот, атьецъ, звiозды, и, однако, никому и въ голову не придетъ въ литературномъ языкѣ, принятомъ у великоруссовъ, примiнять фонетическое правописание. Введенiе въ правописание фонетическаго принципа сдiлало необходимымъ внесенiе въ графику нiсколькихъ новыхъ знаковъ, устраненiе изъ нея нiкоторыхъ старыхъ буквъ (ъ, ѣ, ы) и присвоенiе нiкоторымъ старымъ буквамъ новаго звуковаго значенiя. Осуществленiе этой реформы и узаконенiе ея австрiйскимъ правительствомъ составляетъ одинъ изъ печальныхъ подвиговъ Общества имени Шевченка. Принимая подъ свое покровительство это дiло, оно пошло навстрiчу давнишнему стремленiю правительства и господствующей польской партiи, заботившихся объ отдiленiи галицко-русской литературы и письменности отъ обще-русской. Достаточно вспомнить, что еще въ 1848 г. началось гоненiе на употребляемое галичанами русское гражданское письмо и дiлались попытки ввести вмiсто него латинскую абечеду. Попытки эти были близки къ осуществленiю въ намiстничество графа Го-

луховскаго, такъ что русскимъ патриотамъ во главi съ Я. О. Головацкимъ, стоило не малаго труда отстоять русское письмо. Тогда-то въ виду этой неудачи у сторонниковъ разъединенiя Руси явилась мысль о введенiи фонетическаго правописанiя. Если не ошибаюсь, одинъ изъ первыхъ сталъ распространять эту мысль украинофильствующий полякъ Стахурскiй, впрочемъ стоявшiй также и за принятiе малоруссами латиницы. Первая выработка основъ фонетическаго правописанiя и примiненiе ихъ въ печати принадлежатъ П. Кулишу. Народническая партiя ухватилась за новую идею и стала ее поддерживать въ своихъ изданiяхъ. Въ 1892 г. Общество имени Шевченка вмiстѣ съ Педагогическимъ обществомъ подало въ министерство народнаго просвiщенiя прошенiе о введенiи фонетическаго правописанiя въ учебникахъ народныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведенiй. Въ этомъ прошенiи необходимость правописной реформы обоснована не столько научными и педагогическими соображенiями, сколько политическими; между послiдними прямо указывалось, что для Галицкой Руси и лучше, и безопаснiе не пользоваться тiмъ самымъ правописанiемъ, какое принято въ Россiи. Правительство, конечно, отнеслось съ полнымъ сочувствiемъ къ такому ходатайству и, не обращая вниманiя на протесты и просьбы народа и русской партiи, покрытая 50,000 подписей, издало

распоряженіе, въ силу котораго Вѣстникъ государственныхъ законовъ, всѣ оффиціальныя изданія, учебники, судебныя рѣшенія и распоряженія властей въ Восточной Галичинѣ и Буковинѣ печатаются фонетикой. Такъ, къ общему удовольствію поляковъ и українофиловъ-сепаратистовъ, цѣль была достигнута: галицкая «українсько-руська» литература обзавелась своимъ правописаніемъ и по внѣшнему виду своихъ изданій значительно отдѣлилась отъ обще-русской литературы. Но сторонники этой реформы, повидимому, въ свое время не подумали о томъ, какія печальныя послѣдствія она должна имѣть для успѣшнаго развитія самой малорусской литературы. (Прежде всего малорусская книга, напечатанная въ Галичинѣ фонетикой, уже по внѣшнему своему виду, не говоря объ отличіяхъ языка, стала малодоступной малоруссамъ Украйны, привыкшимъ къ этимологическому правописанію. Затѣмъ, фонетическое правописание внесло расколъ въ малорусскую литературу Галичины и Буковины, такъ какъ многіе патріоты и ученые общества отказались принять фонетику и продолжаютъ печатать малорусскія книги (назначаемыя для простаго народа) старымъ этимологическимъ правописаніемъ. (Наконецъ, правописная реформа сдѣлала вообще книжную малорусскую рѣчь менѣе понятной для тѣхъ галичанъ, буковинцевъ и угро-русовъ, говоры кото-

выхъ представляютъ характерныя звуковыя отличія отъ галицкаго говора, лежащаго въ основѣ литературнаго языка: напр., въ нѣкоторыхъ говорахъ лемковъ вмѣсто украинско-русскаго вівця говорятъ вувця, увця, вывця, вмѣсто лід, віз—люд, вюз (ледъ, везъ), вмѣсто коліно, місто—колєно, место и т. п. Такою путаницу въ литературное дѣло Галицкой и Буковинской Руси внесла правописная реформа, уже по самой идеѣ своей весьма неудобная для литературныхъ языковъ такихъ большихъ народовъ, которые представляютъ значительное количество нарѣчій и говоровъ, и въ данномъ случаѣ вызванная не требованіями книжнаго языка, а извѣстной нездоровой политической тенденціей.

Та же печать тенденціозности лежитъ и на научномъ языкѣ, надъ выработкой котораго трудится Общество имени Шевченка. Въ русской печати уже не разъ указывалось, что нынѣшній малорусскій литературный языкъ не представляетъ единства. Ни среди галицкихъ, ни среди нашихъ украинскихъ писателей еще не было такого большого таланта (какимъ, напр., былъ въ обще-русской литературѣ Пушкинъ), который бы опредѣлилъ общій характеръ литературнаго языка. Правда, въ произведеніяхъ Шевченка малорусскій народный языкъ получилъ прекрасную обработку, сдѣлавшую эти произведенія доступными и понятными всѣмъ образо-

важнымъ русскимъ людямъ. Но Шевченко, къ сожалѣнію, не имѣлъ большого вліянія на послѣдующихъ, особенно новѣйшихъ, малорусскихъ писателей. Они не слѣдуютъ своему великому учителю, а въ своемъ литературномъ творчествѣ шли и идутъ особой дорогой. Руководясь главнѣйше украинофильской тенденціей и какъ бы силясь доказать теорію о самостоятельности малорусскаго народа, они стараются отдалить языкъ «українсько-руської» литературы отъ языка обще-русскаго. Съ этою цѣлью для передачи отвлеченныхъ понятій, для которыхъ не оказывается соотвѣтствующихъ выраженій въ просто-народной рѣчи и для которыхъ весьма легко было бы найти соотвѣтствующія слова въ русскомъ образованномъ языкѣ, они употребляютъ слова чужія, преимущественно польскія, или искажаютъ до неузнаваемости слова обще-русскія, или прямо куютъ и сочиняютъ совсѣмъ новыя слова и выраженія. Въ частностяхъ примѣненіе всѣхъ этихъ приѣмовъ выработки литературнаго языка представляетъ широкій произволь у отдѣльныхъ писателей. Къ этому присоединяются и различія въ языкѣ разныхъ авторовъ, обусловливаемыя особенностями то галицкихъ, то украинскихъ говоровъ въ зависимости отъ происхожденія каждаго писателя и степени знакомства его съ народною рѣчью. Поэтому вполне справедливо замѣчаніе одного изъ галицкихъ пи-

сателей, что современная художественная литература малоруссовъ не представляетъ единого выработаннаго языка, а множество отдѣльныхъ языковъ, какъ-то: языки Старицаго, Франка Чайченка, Ол. Пчілки и т. д.

Такими же чертами характеризуется и научный «українсько-рускій» языкъ, создаваемый Обществомъ имени Шевченка. Единства въ языкѣ отдѣльныхъ ученыхъ, помѣщающихъ свои труды въ изданіяхъ общества, не замѣчается: каждый пишетъ на свой ладъ. Всѣ сотрудники «Товариства» сходятся лишь въ одномъ: въ своей боязни пользоваться терминами и выраженіями обще-русскаго языка; всѣ они въ большей или меньшей степени заполняютъ свою рѣчь чужими, преимущественно польскими или, рѣже, нѣмецкими выраженіями и новыми кованными словами самаго разнообразнаго чекана. Отсюда новосоздаваемый ученый языкъ отличается крайнею искусственностью и малопонятностью. Больше всего, однако, въ немъ замѣтно господство польской стихіи: научная терминологія по разнымъ отраслямъ знанія вырабатывается главнѣйше подъ вліяніемъ польскаго языка. Представлю нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе этого положенія. Начать хотя бы съ самаго названія общества—«Наукове Товариство», которое прямо взято изъ польскаго—«Towarzystwo naukowe». Беру наудачу отдѣльныя страницы изъ

разныхъ изданій «Товариства». Вотъ, напр., годової отчетъ о дѣятельности «Товариства» за 1898 г., читанный въ главной своей части председателемъ М. С. Грушевскимъ въ общемъ собраніи. Всего на нѣсколькихъ страницахъ находимъ такое обиліе польскихъ словъ: льокальні съвяткованія (lokalne świątkowanie), институція (instytucya), не рахуючись (rachować się) з перспективами переносин з помешканія до помешканія (pomieszkanie), на решти (na resztę), роскавалкованої (kawałek) вітчизни, вплинула (wpłynęła) на розвіи взагалі культурних інтересів, кошта (koszta), наукова часопис (czasopis naukowy), мусимо, мусить, мусило (musieć, musiał и т. д.), увага (uwaga), до деталічного перегляду (przeгляд), поступ (postęp), публікація (publikacya) справоздане (sprawozdanie), уконституувався, штука (sztuka), мова (mowa), субвенції, квота (kwota), випадки (wypadek), сотворити дотацію, резервовий, каменица (kamienica), офіцини конштом, урядженя (urządzenie), друкарня (drukarnia) друкарняныхъ справъ (sprawa), складач (składacz—наборщикъ), видане (wydanie), спілка (spółka), аркуш (arkusz), до президиї сформовано (zformować), курсор (kursor), книгарня (księgarnia), оферту (oferta), засягавъ гадки (zasięgać), ремунерував праці (praca), товариство (towarzystwo), велика вага (waga), переважного (przeważny), обход (obchód), споряджене (sporządzenie),

шануючи (szanować), затверджене (zatwierdzenie), видатки (wydatek), репрезентатив, кавция, вартість (wartość), запас накладів (nakład), запас паперу (papier), фарба (farba), заінтабульовано, рахунок (rachunek), сперанди, зиск (zysk), переклад (przekład) и т. д. («Записки» 1899. В. I).

А вотъ списокъ словъ, взятыхъ изъ первыхъ страницъ обширнаго сочиненія г. М. С. Грушевскаго «Исторія України Руси»: істновання (istnać), праця (praca), користна (korzystny), залежати (zależać), замір (zamiar), науковий (naukowy), нотка (notka), ухибляючи (uchybiać), інструктивни пояснення, відродженне (odrodzenie), мусить мати (mieć musi), умова (umowa), увага (uwaga), міграція (emigracya), певністю (pewność), докладно (dokładnie), виразно (wyraznie), знищеного (zniszczony), пониженого (poniżony), г'рунтъ всякої культурної еволюції, незвичайно (niezwyczajny), вплива, вплив (wpływ, wpływać), вага (waga) з рештою (z resztą), двоїстість (сочин. слов.), упривилоїованої (uprzywilejowany), абсорбованне, поваленне й зреформованне (соч. сл.) и т. д. Изъ небольшой критической замѣтки того же автора («Записки» 1898 VI в.): науковість (сочин. слов.), приємне вражінне (przyjemnie wrażenie), переконанне (przekonanie), істнованне, реконструкция історії, зручність (zręczność), переважно (przeważnie), аматором і пильним дослідником, читач (сочин. сл.) и др.

Приведу нѣскольکو образцовъ новосоздаваемой научной терминологіи. Напр., въ филологической работѣ объ угро-русскихъ говорахъ Ив. Верхратскаго встрѣчаются такіе новосочиненные термины («Записки» 1899 г.): наголос (удареніе), голосівочня (гласные звуки), накінчик (окончаніе), наростки (приставки), пень (основа), словолад (синтаксисъ), назвук (начальный слогъ), визвук (конечный слогъ), повноголостність (полногласіе), суголосочня (согласные звуки), пнетвор (образование основъ), сущник (имя существительное), приложник (имя прилагательное), присловник (нарѣчіе), заименник (мѣстоименіе), числовник, теперешник (настоящее время), условник (условное наклоненіе), давноминувшик (давнопрошедшее время), минувшик стану дѣйного, повельник (повелительное н.), именяк, рідник и т. д.

Изъ математическаго сочиненія В. Левицкаго «Еліптичні функції модулів» («Записки» 1895, VII): «Подав я дефиніцію еліптичних функцій модулівих, се-б то функцій, що належать до г'рупи субституцій. Формою модуловою к-тої димензії називаємо однозначну однородну функцію двох змінних x и y к-тої димензії, яка остає безъ зміни, наколи єї арг'ументи піддати які-небудь субституції з групи лінеарних однородних субституцій; наколиж ужиєм (użyć) иньших субституцій, то функція та взагалі змінє свою вартість (wartość)». Еще нѣскольکو

терминовъ изъ той же статьи: незмінник, дискриминанта функцій еліптичних, вартість безглядна, інтегралний рахунок, рахунок ріжничковий (дифференціальное исчисленіе), рівноважні (gównowazny), збіжність (Convergenz), дійсний (дѣйстви-тельный), многість всюди-густа (Überall-dichte Menge) и т. д.

Изъ небольшой статейки юридическаго содержания («Записки» 1898. в. VI.): процесъ цивильний (cywilny), спадкове право (spadkowe prawo), спадок (spadek наслѣдство), спадкодавця, спадкочемця; ціха (zeichen), дефиніцію, заробковий податок, деталічно, загальнозвістність (сочин. сл.), судовладча устава, запровідний закон, сьвітогляд читачів (соч. сл.) и т. д.

Изъ медицинскої статьи д-ра Черняховскаго «Пристрій до мірення сили скорочень уразу» («Записки» 1893, II) ураз (uraz), водови бочонки (membranæ ovi), вартість (wartość), здатность (zdatność), при тракції плоду, поліжница (položnica), вада (wada), кулька (kulka), вжиток (użytek), вправа (uprawa), умова (umowa) и т. д.

И такихъ чужихъ и кованнихъ словъ можно набрать изъ изданій «Товариства» на цѣлый томъ, а то и больше. Спрашивается, что же это за языкъ? Ужели мы имѣемъ передъ собою настоящую малорусскую рѣчь? Не служитъ ли этотъ искусственный, смѣшанный малорусско-польскій языкъ рѣзкой насмѣшкой надъ литературными

завѣтами того самого Шевченка, имя котораго носить «Наукове Товариство»?! Въ самомъ дѣлѣ, какая непроходимая пропасть между языкомъ Шевченка, Костомарова, даже Кулиша и ново-создаваемымъ «українсько-руськимъ» языкомъ галицкихъ ученыхъ съ ихъ «головой» г. Михаиломъ Грушевскимъ. Не пришелъ ли бы въ ужасъ и содроганіе и самъ покойный М. П. Драгомановъ, если бы увидѣлъ, что его весьма цѣнныя монографіи по малорусской народной поэзіи и другія статьи, изданныя въ свое время на обще-русскомъ языкѣ, теперь явились въ «перекладѣ» на никому непонятную уродливую «українсько-руську мову». Вѣдь если дальнѣйшая обработка этой «мовы» пойдетъ все въ томъ же направленіи, т. е. подъ воздѣйствіемъ польскаго литературнаго языка, то галицкому писателю не трудно будетъ добратъся до черты, отдѣляющей рѣчь русскую отъ польской, и придется признать «українсько-руську мову» за одно изъ нарѣчій польскаго языка, какъ это нѣкогда и сдѣлалъ украинофильствующій поэтъ Тимко Падура. Но въ такомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Будиловичъ, человѣку съ самостоятельнымъ талантомъ «лучше ужъ перейти къ чистому польскому языку, чѣмъ писать на смѣшанномъ русско-польскомъ жаргонѣ, напоминающемъ гермафродита».

Нѣкоторые изъ нашихъ сторонниковъ широкаго развитія малорусской литературы признаютъ разные недостатки въ книжной «українсько-руськой» рѣчи галичанъ, но полагаютъ, что эти недостатки могутъ быть устранены. Такъ, В. П. Науменко заявляетъ, что и его «далеко не удовлетворяетъ качество этой рѣчи», и для улучшенія ея совѣтуетъ галицкимъ писателямъ заняться «изученіемъ русскаго книжнаго языка» («Кіевская Старина» 1899, Августъ, стр. 266, 271). Но если этотъ совѣтъ искрененъ, то онъ, во-первыхъ, стоитъ въ противорѣчій съ другимъ положеніемъ В. П. Науменка, на которое уже было обращено вниманіе въ предшествующей главѣ, именно съ тѣмъ, по которому «всякія попытки нѣкоторыхъ галицкихъ кружковъ распространять русскій книжный языкъ признаются не только не полезными, а прямо вредными»; а во-вторыхъ, онъ идетъ въ разрѣзъ съ основными тенденціями и стремленіями «Товариства», которыя находятъ себѣ горячее сочувствіе на страницахъ «Кіевской Старины». Въ самомъ дѣлѣ, если бы галицкіе ученые, имѣя въ виду совѣтъ В. П. Науменка, обратились къ обще-русскому языку, какъ своему естественному источнику, за научной терминологіей и, сверхъ того, бросивъ фонетику, вернулись къ этимологическому правописанію, то новый научный «українсько-руський» языкъ въ изданіяхъ «Товариства»

представлялъ бы такъ мало отличій отъ общерусскаго, что полная ненужность существованія его какъ органа высшей образованности для галицкихъ и буковинскихъ малоруссовъ стала бы ясной, какъ нельзя болѣе. Но этого, конечно, какъ разъ и не желаютъ галицкіе литературные сепаратисты и поддерживающіе ихъ наши украинофилы. По ихъ взгляду, «українсько-руській» языкъ долженъ быть возможно больше непохожимъ на общерусскій, чтобы тѣмъ крѣпче была фикція о «самостойности» малорусскаго народа. Къ этой цѣли главнѣйше и направлены всѣ ихъ усилія.

И вотъ такой-то пестрый, смѣшанный, искусственный языкъ мечтаютъ сдѣлать органомъ будущей «українсько-руськой» академіи и «українсько-руського» университета! Мало того, ему приготавливаютъ важную роль языка образованнаго для всего малорусскаго народа. Такъ на это ясно намекаетъ «голова» «Товариства» г. «Михайло Грушевський» въ своей рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи въ нынѣшнемъ году. Указавъ, что Общество имени Шевченка находитъ себѣ сочувствіе и поддержку на Украинѣ, онъ съ гордостью замѣчаетъ: «Товариство далеко поднимается надъ мѣстными потребностями и пріобрѣтаетъ значеніе духовнаго центра, который связываетъ въ одно всѣ части нашей «роскавалкованой

вітчини, переділеної природними і політичними границями, перегороженої всякими перегородами» («Записки» 1899, I В.).

Это ли не утопія, которая, конечно, была бы очень смѣшна, если бы въ то же время не была еще болѣе грустной?!

VI.

Попытка пропаганды научнаго «українсько-руського» языка на XI археологическомъ съѣздѣ.

Наблюдаемая нынѣ въ Галичинѣ и Буковинѣ, особенно во Львовѣ, спѣшная работа надъ созданіемъ научнаго «українсько-руського» языка имѣетъ конечною цѣлью не только удовлетвореніе духовныхъ нуждъ и запросовъ русскаго населенія Галичины и Буковины, но также достиженіе болѣе широкихъ политическихъ и культурныхъ задачъ. Согласно планамъ и взглядамъ заправилъ этой работы, новѣйшее галицко-буковинское литературное движеніе должно распространяться и на все малорусское или южно-русское племя, которому сепаратисты присвоили произвольно сочиненное названіе «Украины Руси»^{*}).

^{*}) Галицкіе сепаратисты отличаютъ «Австрійскую Украину» (?) отъ «Россійской Украины» и терминъ «українсько-руський» чередуютъ съ терминомъ «русько-український», который впервые былъ пущенъ въ обращеніе, кажется, поляками.

Вырабатываемый во Львовѣ образованный языкъ именуется не галицко-рускимъ, а «українсько-руськимъ» и, слѣдовательно, предназначается служить органомъ науки и литературы не только для Галичины и Буковины, но и для нашей Украины, или Малороссіи. Г. М. Грушевскій въ публичныхъ рѣчахъ объявляетъ «Товариство імени Шевченка» духовнымъ средоточіемъ всѣхъ частей «роскавалкованої вітчизни, України Руси». Такимъ же средоточіемъ и органомъ малорусской образованности должны сдѣлаться проектируемая «Українсько-руська академія» и «Українсько-руській университетъ». Но, съ другой стороны, все это движеніе, отличающееся, какъ было показано, большою искусственностью и тенденціозностью, и связанные съ нимъ широкіе планы по созданію особой «українсько-руської культуры» пока находятъ очень слабыя отклики и сочувствіе въ предѣлахъ Россіи. Навстрѣчу странному и противоестественному стремленіямъ галицкихъ сепаратистовъ идутъ у насъ съ матеріальной и нравственной поддержкой лишь немногія отдѣльныя лица, украинцы-фанатики, почему-то полагающіе, что вполне понятная и естественная любовь къ малорусской народной рѣчи, къ малорусской пѣснѣ, къ малорусской старинѣ и проч. непременно должна соединяться съ симпатіями къ фантастическимъ планамъ дѣятелей львовскаго «Товариства». Масса же об-

разованнаго общества Южной Руси, не говоря уже о простомъ народѣ, остается равнодушной къ галицкому литературно-сепаратистскому движенію. Причины этого явленія совершенно ясны: основныя цѣли движенія совсѣмъ непонятны нашимъ малоруссамъ, а самое движеніе представляется имъ ненужнымъ, безцѣльнымъ, такъ какъ они издавна пользуются обще-русскимъ языкомъ, какъ языкомъ высшей образованности, и богатую литературу и науку на этомъ языкѣ, приносящія имъ неисчислимыя блага, считаютъ въ такой же мѣрѣ своимъ драгоценнымъ достояніемъ, какъ и великоруссы и бѣлоруссы. Неудивительно поэтому, что и самыя изданія «Товариства імени Шевченка», особенностями своего языка и правописанія вносящія расколъ въ литературную жизнь малоруссовъ и потому отвергаемыя значительною частью галицко-рускаго образованнаго общества, не имѣютъ доступа въ Россію и извѣстны здѣсь очень немногимъ.

Такое положеніе дѣла, конечно, огорчаетъ и заботитъ руководителей галицкаго движенія, группирующихся около «Товариства імени Шевченка», и возбуждаетъ у нихъ стремленіе усилить пропаганду создаваемыхъ ими языка и литературы въ «Россійской Украинѣ». Со времени переселенія М. С. Грушевскаго изъ Кіева во Львовъ и перехода въ его руки завѣдыванія дѣ-

лами «Товариства» и на эту сторону дѣятельности общества обращено особое вниманіе. «Товариство» пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напомнить русскимъ украинцамъ о своемъ существованіи, заинтересовать ихъ своею дѣятельностью и найти среди нихъ сторонниковъ защищаемыхъ имъ тенденцій. Первый такой наиболее подходящій случай представило празднованіе въ 1898 г. столѣтія появленія въ печати перелицованной «Энеиды» И. П. Котляревскаго. Этотъ писатель, считающійся основателемъ новой малорусской литературы, конечно, вполне заслуживалъ юбилейнаго чествованія. Принадлежащія ему, кромѣ смѣхотворной «Энеиды», двѣ театральныя піесы: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ», доселѣ остающіяся лучшими произведеніями малорусской сцены, извѣстны великоруссамъ не меньше, чѣмъ малоруссамъ. Поэтому въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Кіевѣ, Полтавѣ, Петербургѣ и еще кое-гдѣ отпраздновали юбилей Котляревскаго, но отпраздновали такъ, какъ обыкновенно празднуются литературные юбилеи, т. е. безъ какихъ бы то ни было демонстрацій политическаго характера. Не то было въ Галичинѣ, гдѣ произведенія Котляревскаго стали извѣстны не ранѣе 50-хъ годовъ и не оказали большого вліянія на развитіе мѣстной литературы. Львовское «Товариство», не безъ самохвальства заявившее, что ему принадлежитъ

«першорядне значінне въ культурнім житю українсько-руського народа», приняло на себя инициативу превращенія обыкновенной литературной поминки въ большое празднество съ политическимъ отгѣнкомъ, на которое приглашало «весь украинсько-руській загал» и всѣ славянскія ученыя учрежденія. Назвавъ столѣтнюю годовщину выхода въ свѣтъ «Энеиды» Котляревскаго «столѣтнм юбилеемъ відродженя українсько-руської літератури», «Товариство» создало изъ этого «юбилея» большой культурный и національный праздникъ украинско-русского народа, праздникъ національной равноправности и общественнаго прогресса». Въ приглашеніяхъ за подписью М. Грушевскаго, какъ «головой» юбилейнаго комитета, посланныхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ въ Россію, между прочимъ, сообщалось, «что украинсько-руській народъ, второй по численности въ Славянщинѣ и имѣющій много заслугъ въ исторіи европейской культуры, поднимается изъ своего униженія, что онъ, «повкриджений історичними обставинами», загубленный своими высшими сословіями, сведенный до значенія этнографической массы, снова занялъ достойное мѣсто въ семьѣ славянскихъ народовъ съ твердою надеждою внести въ сокровищницу общечеловѣческаго прогресса новые вклады, соотвѣтственно своей численности и пережитой тяжелой долѣ». Въ отвѣтъ на эти ши-

роковѣщательныя приглашенія, соотвѣтственно которымъ литературный юбилей Котляревскаго былъ превращенъ въ политическую демонстрацію, «Товариствомъ» были получены привѣтствія изъ десяти мѣстностей Россіи, между прочимъ отъ Черниговской губернской земской управы и трехъ ученыхъ учреждений: Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, Харьковскаго университета и Харьковскаго историко-филологическаго общества. Всѣ другія русскія ученыя учрежденія и общества, въ томъ числѣ и кievскія, уклонились отъ всякаго участія во Львовскомъ торжествѣ, очевидно въ виду его рѣзко заявленной тенденціозной окраски *).

Другой еще болѣе удобный случай для пропаганды сепаратистскихъ идей «Товариства» представлялъ происходившій въ августѣ 1899 г. въ Кіевѣ XI-й археологическій съѣздъ. По инициативѣ пишущаго эти строки на съѣздъ были приглашены ученые изъ всѣхъ славянскихъ земель, между прочимъ изъ Галичины и Буковины и въ частности члены львовскаго Ученаго общества имени Шевченка, при чемъ въ «Правила» съѣзда былъ внесенъ параграфъ, въ силу котораго въ засѣданіяхъ допущены доклады на языкахъ южныхъ и западныхъ славянъ. Въ виду

*) Описаніе этихъ празднествъ см. въ «Запискахъ» 1898 г. кн. VI. Нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя на празднествѣ, помѣщены въ «Литер. Наук. Вістн.» за 1898 г.

послѣдняго обстоятельства у членовъ «Товариства» возникла мысль добиться разрѣшенія читать на съѣздѣ свои доклады на новосоздаваемомъ «українсько-руськомъ» языкѣ. Осуществленіе этой мысли для успѣха дѣятельности «Товариства» несомнѣнно имѣло бы важное значеніе какъ съ практической стороны, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Оно открывало бы возможность широкой пропаганды въ большомъ собраніи ученыхъ новаго «українсько-руськаго» языка и новой «українсько-руськой» науки и въ то же время означало бы оффиціальное признаніе со стороны образованной Россіи законности «українсько-руськаго» сепаратизма въ области языка, науки и высшей образованности. Отсюда вполне понятно, что члены «Товариства», руководимые своимъ «головой», горячо взялись за указанный вопросъ и рѣшились, во что бы ни стало, добиться осуществленія своего плана или, въ случаѣ его неудачи, воспользоваться археологическимъ съѣздомъ какъ-нибудь иначе въ цѣляхъ пропаганды своихъ тенденцій. Старанія ихъ, однако, не увѣнчались успѣхомъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какого они желали. Чтеніе докладовъ на «українсько-руськомъ» языкѣ не было разрѣшено. Тогда члены «Товариства» въ особомъ собраніи демонстративно постановили — не ѣздить на археологическій съѣздъ, о чемъ немедленно же напечатали въ «Запискахъ» и

громко заговорили о нанесенной украинсько-руському народу обидѣ, о несправедливости и проч. Среди нашихъ украинофиловъ, конечно, сейчасъ же нашлись защитники мнимо-обиженныхъ. Въ результатѣ какъ въ галицкихъ, такъ и въ русскихъ и нѣкоторыхъ западно-славянскихъ газетахъ и журналахъ появились статьи и корреспонденціи по вопросу объ «инцидентѣ съ украинсько-руськимъ» языкомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе тенденціозныхъ, вся вина за непріятный для «Товариства» исходъ дѣла сваливалась на меня и г. ректора университета св. Владиміра $\Theta.$ Я. Фортинскаго, какъ членовъ предварительнаго комитета по устройству съѣзда, высказавшихся открыто противъ допущенія въ занятіяхъ съѣзда «українсько-руського» языка. Не ограничиваясь простой защитой претензій «Товариства», авторы нѣкоторыхъ русскихъ статей позволили себѣ крайне грубыя и дерзкія выходки по адресу предполагаемыхъ виновниковъ неудачи проекта львовскихъ сепаратистовъ (напр. г. Мордовцевъ въ № 189 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), или же, какъ, напр., анонимный авторъ статьи въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» (394—402), пошли еще дальше, обратились къ недостойнымъ инсинуаціямъ, къ заподозрѣванію тѣхъ же предполагаемыхъ виновниковъ не то въ доносѣ, не то въ полицейскомъ сыскѣ и пр. Наконецъ, въ ноябрьской книжкѣ галицкаго «Ли-

тературно-Наукового Вістника», редакуемаго г. М. Грушевскимъ, явилась неприличная брань противъ профессоровъ университета св. Владимира, позволившихъ себѣ оспаривать правильность требованій «Товариства»: они обзываются здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ «кіевскими жандармами науки».

Разбираться во всей этой полемической литературѣ и отвѣчать на разсѣянные въ ней грубыя выходки и несправедливыя обвиненія—слишкомъ неприятная и неблагодарная задача. Тѣмъ не менѣе въ интересахъ публики, не имѣвшей возможности непосредственно ознакомиться съ «инцидентомъ», будетъ вполне уместно сообщить относящіяся къ нему главнѣйшія данныя. Я постараюсь установить фактическую сторону всего эпизода съ украинско-русскимъ языкомъ, вызвавшего столько неправильныхъ толковъ въ печати, и представлю оцѣнку роли, сыгранной въ этомъ эпизодѣ «Товариствомъ» имени Шевченка и русскими его приспѣшниками.

Внѣшняя сторона «эпизода» представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ началѣ января 1897 г., въ Москвѣ, при Археологическомъ обществѣ происходили засѣданія предварительнаго комитета по устройству XI-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Въ составъ этого комитета входили депутаты университетовъ, ученыхъ учреждений и обществъ всей Россіи. Въ качествѣ депутата отъ

университета св. Владимира я выступилъ въ одномъ изъ засѣданій съ проектомъ приглашенія на съѣздъ ученыхъ изъ всѣхъ славянскихъ земель съ допущеніемъ рефератовъ на литературныхъ языкахъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ очень сочувственно собраніемъ, и при болѣе точной формулировкѣ вопроса объ языкахъ послѣ преній была принята та редакція соответствующаго параграфа правилъ съѣзда, которая послѣ утвержденія ея г. министромъ вошла въ печатный текстъ «Правилъ», разосланныхъ всѣмъ лицамъ и учреждениямъ, приглашеннымъ на съѣздъ. Параграфъ этотъ гласитъ слѣдующее: «Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ съѣзда, какъ общихъ, такъ и частныхъ по отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но ученый комитетъ можетъ назначить особыя засѣданія на французскомъ, нѣмецкомъ и южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ.» Эта редакція параграфа объ языкахъ исключала возможность оффиціального употребленія въ докладахъ какъ малорусскаго нарѣчія, такъ и другихъ русскихъ областныхъ нарѣчій и говоровъ. Она допускала употребленіе только основныхъ славянскихъ языковъ, а для русскаго племени и всѣхъ его разновидностей такимъ языкомъ служить обще-русскій литературный языкъ, который и долженъ былъ оставаться главнымъ органомъ съѣзда. Когда «Товариство» имени Шев-

ченка получило приглашеніе на съѣздъ и члены его вмѣстѣ съ «головой» Мих. Грушевскимъ увидѣли, что «українсько-руському» языку нѣтъ офіціального доступа на съѣздъ, они рѣшили, во что бы ни стало, добиться этого доступа, рассчитывая на дѣятельную помощь нѣкоторыхъ своихъ кіевскихъ сторонниковъ. Въ февралѣ 1899 г. въ засѣданіи Кіевскаго комитета была доложена бумага на «українсько-руськомъ» языкѣ за подписью «головой» г. Михайла Грушевського съ запросомъ — «чи буде допущена українсько-руська мова до рефератів, дебат і видань з'їзда» и съ поясненіемъ, что отъ того или иного рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть участіе представителей «Товариства» въ занятіяхъ съѣзда. Я тогда же предлагалъ комитету отвѣтить «Товариству», что Правила съѣзда, утвержденныя г. министромъ, исключаютъ возможность офіціального допущенія другихъ языковъ, кромѣ указанныхъ въ § 29, но собраніемъ, по настоянію г. предсѣдателя, рѣшено передать дѣло въ Московскій предварительный комитетъ. Какимъ путемъ разбирался и рѣшался этотъ вопросъ въ Москвѣ, доподлинно трудно сказать, такъ какъ Кіевскій комитетъ не былъ ознакомленъ съ протоколами засѣданій Московскаго комитета, касающимися даннаго дѣла; но отъ нѣкоторыхъ членовъ Московскаго археологическаго общества, пріѣзжавшихъ на съѣздъ, мнѣ приходилось слышать, что новое

рѣшеніе, принятое Московскимъ комитетомъ, прошло не безъ возраженій и протестовъ. Рѣшеніе это дѣйствительно въ высшей степени странно. Оно гласитъ слѣдующее: «По запросу львовскаго ученаго общества имени Шевченка постановлено: признавая, что украинско-русскій (малорусскій) языкъ немногимъ разнится отъ общерусскаго языка и близко сливается съ языкомъ украинскихъ губерній Имперіи, — не выдѣляютъ его какъ особый языкъ въ группу другихъ славянскихъ языковъ и допустить чтеніе рефератовъ на этомъ языкѣ въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ съѣзда наравнѣ съ докладами на русскомъ языкѣ. Что же касается до печатанія докладовъ, то таковыя могутъ быть допущены лишь въ чисто-русской передачѣ на страницахъ «Трудовъ съѣзда». Признавая, что «украинско-русскій языкъ немногимъ разнится отъ общерусскаго», и въ то же время допуская его наравнѣ съ послѣднимъ въ засѣданіяхъ съѣзда, Московскій комитетъ не только впадалъ въ удивительное внутреннее противорѣчіе, но и совершалъ ту большую ошибку, что тѣмъ самымъ открыто заявлялъ о полной правильности и законности развитія въ средѣ русскаго народа двухъ культурныхъ и научныхъ языковъ, обще-русскаго и новосоздаемаго «українсько-руського». Совершенно понятно, что когда объ этомъ постановленіи Московскаго комитета было доложено въ маѣ сего года въ Кіевскомъ

комитетъ, то здѣсь возникъ вопросъ о его правильности. Какъ дѣятельный участникъ московскихъ засѣданій, въ которыхъ вырабатывались Правила съѣзда, я считалъ себя въ правѣ имѣть свое сужденіе по данному вопросу и рѣшительно высказался противъ предложенной поправки параграфа о языкахъ. Я указывалъ на формальное неудобство измѣнять уже выработанныя и утвержденныя правила ради ходатайства, идущаго отъ небольшого ученаго кружка, и еще болѣе остановился на разборѣ самаго ходатайства по существу, пользуясь тѣми же самыми мотивами относительно украинско-русскаго языка, какіе приводятся въ настоящихъ статьяхъ. На неудобства, связанные съ приведеніемъ въ исполненіе новаго постановленія Московскаго комитета, указалъ и г. ректоръ, О. Я. Фортинскій. Въ концѣ концовъ Кіевскій комитетъ уполномочилъ председателя Московскаго археологическаго общества и предварительнаго комитета, графиню П. С. Уварову, войти въ Министерство Народнаго Просвѣщенія за разъясненіями по спорному вопросу. Подробности хода этого дѣла въ высшихъ инстанціяхъ мнѣ совершенно неизвѣстны. Знаю только, что сначала послѣдовалъ категорическій отказъ относительно допущенія докладовъ на украинско-русскомъ языкѣ, а затѣмъ было получено въ Кіевѣ новое распоряженіе, въ силу котораго галицкіе ученые получали разрѣшеніе читать рефераты на своемъ

языкѣ, но это разрѣшеніе было обставлено такими ограниченіями, которыя въ сущности имѣли значеніе отрицательнаго рѣшенія вопроса. Однако, прежде чѣмъ стало извѣстно послѣднее распоряженіе, члены «Товариства», видя, что затѣянное ими дѣло не удалось, сдѣлали въ особомъ собраніи упомянутое выше постановленіе, въ силу котораго рѣшили не принимать участія въ съѣздѣ, а назначенные для него доклады издать особой книгой. Эта демонстрація, о которой было сейчасъ же сообщено въ газеты, произвела извѣстное впечатлѣніе на публику, собравшуюся на съѣздъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены «Товариства» все-таки пріѣхали въ Кіевъ во время съѣзда, хотя и не принимали въ немъ участія, а вслѣдъ за ними, вскорѣ по закрытіи съѣзда, явился сюда же и самъ «голова», г. Михайло Грушевскій. Начались разные толки и криво-толки, отразившіеся указаннымъ образомъ въ русско- и галицкой печати. Такова исторія «инцидента».

Спрашивается—гдѣ и въ чемъ кроется главная причина неудачи плана «Товариства»? Да прежде всего въ самомъ «Товариствѣ», въ невозможности исполнить требованіе, предъявленное имъ къ русскому и образованному міру. Конечно, члены «Товариства» и сочувствующіе имъ наши украинцы не согласятся съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Напротивъ, они видятъ причину

позитивней ихъ неудачи въ протестѣ, заявленномъ мною и г. ректоромъ университета св. Владимира противъ упомянутаго постановленія Московскаго комитета. Постараюсь разъяснить всю неправильность этой точки зрѣнія. Я не берусь судить, насколько мой протестъ, о которомъ попали въ газеты свѣдѣнія неточныя и неполныя, могъ оказать какое-либо вліяніе на ходъ дѣла. Знаю только, что предсѣдатели какъ Кіевскаго, такъ и Московскаго комитетовъ признали его настолько малозначительнымъ, что даже не дали ему мѣста въ протоколахъ засѣданій комитета. Самъ же я по поводу происходившаго въ засѣданіяхъ комитета не писалъ ни статей, ни сообщеній ни въ кіевскія, ни въ столичныя газеты, а равно не дѣлалъ никакихъ другихъ шаговъ, чтобы дать движенію дѣла то или иное направленіе. Поэтому я считаю инсинуаціей приписанное мнѣ въ анонимной статьѣ «Вѣстника Европы» (Ноябрь, стр. 398—399, 402) «обращеніе за содѣйствіемъ къ высшей административной власти» и какое-то участіе въ «мѣстныхъ дразгахъ» и полицейскомъ сыскѣ по части «затѣй украинофиловъ». Обвиненія эти высказаны настолько бездоказательно и голословно, что можно лишь удивляться появленію ихъ на страницахъ такого солиднаго журнала, какимъ считается «Вѣстникъ Европы». Они свидѣтельствуютъ лишь о столь обычной у насъ нетерпимости къ чужому мнѣ-

нію, въ силу которой иные публицисты, причисляющіе себя къ либераламъ, не гнушаются, однако, въ полемикѣ противъ непріятныхъ имъ мнѣній и взглядовъ пользоваться такими неудобными приемами, которые у каждого порядочнаго человѣка должны бы вызывать только негодованіе и отвращеніе. Дѣло, однако, въ томъ, что независимо отъ того, былъ ли бы заявленъ или не былъ, мной или кѣмъ-либо другимъ, протестъ противъ страннаго постановленія Московскаго комитета, вопросъ, возбужденный львовскимъ «Товариствомъ», могъ получить только отрицательное рѣшеніе. И высшая власть, которой не могъ миновать этотъ вопросъ, и трезвое общественное мнѣніе, и ученое собраніе, держась логики фактовъ и имѣя въ виду высшіе духовныя интересы и благо всего русскаго народа, могли отвѣчать галицкимъ литературнымъ сепаратистамъ на предъявленное ими къ съѣзду настойчивое требованіе только однимъ словомъ: «Нѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какія особенно вѣскія основанія можно было бы привести въ пользу допущенія на съѣздъ «українсько-руського» языка? Быть можетъ, этотъ языкъ является общепризнаннымъ выразителемъ умственной жизни особаго самостоятельнаго въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ народа? Быть можетъ, онъ служитъ органомъ богатой научной литературы и, вообще, считается языкомъ извѣстнымъ

въ ученѣмъ мѣрѣ? Ничего подобнаго. Изъ предшествующаго изложенія ясно видно, что научный «українсько-руський» языкъ, которому не премѣнно хотѣли дать равноправное мѣсто не только съ другими славянскими языками, но и съ обще-русскимъ, отнюдь не имѣетъ значенія органа умственной жизни малорусскаго племени, которое, почти во всей своей массѣ, пользуется обще-русскимъ языкомъ, выработаннымъ совмѣстными усиліями великоруссовъ и малоруссовъ; онъ не служитъ даже областнымъ образованнымъ языкомъ для всей Галицкой и Буковинской Руси, такъ какъ его отвергаетъ значительная часть образованнаго общества зарубежной Руси, открыто стоящая за сохраненіе литературнаго единства съ остальною Русью; онъ является органомъ лишь извѣстной политической и литературной партіи, при томъ проповѣдующей тенденціи культурнаго разъединенія русскаго міра, которымъ не можетъ сочувствовать ни одинъ русскій человѣкъ, ни великоруссъ, ни малоруссъ, искренно любящій свой народъ и желающій ему духовнаго прогресса. Наконецъ, какъ было указано, этотъ языкъ представленъ ничтожной научной литературой, отличается искусственностью, невыработанностью и очень мало извѣстенъ въ ученѣмъ мѣрѣ. Само собой понятно, что если бы такой языкъ, обладающій указанными свойствами, получилъ доступъ на археологическій съѣздъ,

то это обстоятельство не вносило бы ничего существенно - важнаго въ научную дѣятельность съѣзда, зато въ принципиальномъ отношеніи оно представляло бы весьма большое неудобство: оно означало бы оффиціальное признаніе со стороны Россіи и представителей русской науки за научнымъ «українсько-руськимъ» языкомъ права на дальнѣйшее развитіе и распространеніе въ Россіи и, такъ сказать, санкціонировало бы подготовляемый львовскимъ «Товариствомъ» литературный и научный расколъ въ русскомъ народѣ.

Ужели всѣхъ этихъ соображеній недостаточно, чтобы признать неисполнимость притязаній львовскаго «Товариства»? Не ясно ли, что эти притязанія и не могли имѣть другого исхода, кромѣ того, какой послѣдовалъ. Отказываясь слушать въ засѣданіяхъ съѣзда доклады на языкѣ научныхъ изданій «Товариства», русскій ученый и образованный мѣрѣ какъ бы такъ говорилъ галицкимъ сепаратистамъ: «Мы очень рады видѣть васъ, своихъ русскихъ братьевъ, въ нашемъ ученѣмъ собраніи, но мы должны сказать вамъ прямо, что не сочувствуемъ вашей искусственной работѣ надъ созданіемъ особаго научнаго и образованнаго украинско-русскаго языка: намъ чужды и непонятны скрытыя цѣли вашей работы, какъ чуждъ и непонятенъ выковываемый вами книжный языкъ; вся же дѣятельность

ваша въ указанномъ направленіи представляется намъ прямо вредной съ точки зрѣнія культурнаго прогресса, какъ Галицкой и Буковинской Руси, такъ и всего вообще малорусскаго народа. Если вамъ нравится, упражняйтесь въ своемъ тѣсномъ кружкѣ во Львовѣ въ выработкѣ своего новаго смѣшаннаго малорусско - польскаго научнаго языка, но оставьте въ покоѣ Россію и не пытайтесь сѣять здѣсь сѣмена вашего фантастическаго ученія о культурномъ сепаратизмѣ. Ваша пропаганда не найдетъ здѣсь благопріятной почвы». Я убѣжденъ, что только единицы, немногіе представители русскаго образованнаго общества не признаютъ правильнымъ подобнаго откровеннаго обращенія къ дѣятелямъ львовскаго «Товариства»; это будутъ: или фанатически-убѣжденные сторонники украинофильства и тенденцій «Товариства»; или лица, мало освѣдомленные относительно положенія дѣлъ въ зарубежной Руси, или, наконецъ, люди, завѣдомо не желающіе видѣть фактовъ, рѣзко бросающихся въ глаза, и вообще считающіе нелиберальнымъ прямо и открыто высказывать правду.

Безусловная необходимость отрицательнаго отношенія къ претензіямъ «Товариства» станетъ еще болѣе очевидной, если обратить вниманіе еще на одно обстоятельство—на поведеніе членовъ «Товариства» вмѣстѣ съ ихъ «головой» во все время развитія созданнаго ими «украинско-

русскаго инцидента». Поистинѣ, нельзя не поражаться той удивительной невѣжливостью (выражаясь деликатно), какая была проявлена членами «Товариства» по отношенію къ Россіи и представителямъ русской науки. Они забыли, что, будучи приглашены на съѣздъ въ качествѣ гостей, они могли, пожалуй, высказывать извѣстныя желанія, но въ скромной и приличной формѣ, и отнюдь не имѣли никакого права предъявлять къ хозяевамъ какія-либо требованія. Между тѣмъ, они поступили такъ, какъ порядочные люди, знакомые съ правилами приличія, не поступаютъ. Получивъ приглашеніе на съѣздъ, они поставили свои условія относительно языка, а когда имъ отвѣтили, что эти условія не могутъ быть приняты, потому что расходятся съ выработанными и утвержденными правилами, то они демонстративно заявили, что не пріѣдутъ на съѣздъ, а затѣмъ стали открыто выражать свое негодованіе, жаловаться на обиду и, наконецъ, браниться. Мало того, постановивъ не ѣздить на съѣздъ и объявивъ объ этомъ въ печати, они все-таки прислали въ Кіевъ нѣсколько своихъ представителей, которые, конечно, не принимали участія въ занятіяхъ съѣзда, но старались помѣръ силъ радѣть на пользу «Товариства» и его идей. Чго же это такое? Развѣ это—«учено-деликатное» поведеніе людей науки? Не наноситъ ли оно прямой обиды Императорскому Москов-

скому археологическому обществу и сонму русских ученых, рѣшившихся пригласить на съѣздъ это «Товариство», едва начинающее проявлять первые признаки какой-то ученой работы? Не заслуживаетъ ли удивленія такое пренебрежительное отношеніе къ Россіи, русской наукѣ и русскому образованному языку? Мыслимо ли что-нибудь подобное на другихъ ученыхъ съѣздахъ? Вѣдь регламентація вопроса о языкахъ докладовъ на съѣздахъ самое обычное и необходимое дѣло: нельзя же участникамъ съѣздовъ говорить на всякихъ языкахъ, на какихъ только вздумается; иначе получилось бы столпотвореніе вавилонское и сталъ бы невозможнымъ обмѣнъ мнѣніями. Но никому изъ приглашенныхъ участниковъ съѣзда никогда и въ голову не приходитъ предъявлять хозяевамъ свои требованія на этотъ счетъ, да еще съ угрозами. Напримѣръ, русскіе ученые постоянно ѣздятъ на международные ученые съѣзды въ Парижъ, Берлинъ, Лондонъ или Римъ, гдѣ рефераты допускаются только на двухъ, много на трехъ наиболѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языкахъ, и однако нельзя и представить себѣ, чтобы хоть у кого-нибудь изъ русскихъ гостей явилась мысль требовать допущенія въ засѣданіяхъ съѣздовъ русскаго языка, и тѣмъ болѣе подкрѣплять подобное требованіе шумными демонстраціями. Если бы тамъ и случилось что-

нибудь подобное, то такіе манифестанты, конечно, подверглись бы всеобщему осмѣянію и осужденію и на Западѣ, и у себя дома. А у насъ галицкіе сепаратисты, грубо насмѣявшіеся и надъ съѣздомъ, и надъ русскимъ языкомъ, и надъ русской наукой, находятъ себѣ защитниковъ и прославляются какъ великіе борцы за идею народности!

Чѣмъ же можно объяснить такое удивительное забвеніе международныхъ и общежитейскихъ правилъ приличія и вѣжливости? По моему мнѣнію, главнѣйше тѣмъ, что въ планахъ поѣздки членовъ «Товариства» на Кіевскій съѣздъ ученые интересы занимали едва ли не послѣднее мѣсто, а на первомъ стояли извѣстныя политическія цѣли, ради которыхъ легко забывается то, что слѣдовало бы помнить, и дозволяется то, что обыкновенно считается непозволительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кіевскій археологическій съѣздъ представлялъ для галицко-русскихъ ученыхъ, стоящихъ у себя дома довольно изолированно, прекрасный случай завязать и укрѣпить научное общеніе съ остальною Русью. Случаемъ этимъ, конечно, слѣдовало дорожить и воспользоваться имъ возможно лучше въ интересахъ науки. Вопросъ о языкѣ докладовъ не могъ представлять для галицкихъ ученыхъ серьезной помѣхи. Заявленіе о томъ, что будто бы имъ недоступенъ обще-русскій языкъ, звучитъ горькой

проніей, особенно, если вспомнить, съ какимъ рвеніемъ и успѣхомъ изучаютъ нашъ литературный языкъ ученые и образованные люди среди южныхъ и западныхъ славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые и на съѣздѣ не пожелали воспользоваться правомъ читать доклады на своемъ родномъ языкѣ, а прибѣгали къ обще-русскому языку. Изъ 23 рефератовъ, которые были заявлены членами «Товариства», вѣроятно, значительная часть приходилась на долю г. М. Грушевскаго, главнаго представителя историческаго знанія въ «Товариствѣ», но, вѣдь, онъ, какъ магистръ университета св. Владиміра, внѣ всякаго сомнѣнія, въ силахъ былъ написать свои рефераты на хорошемъ обще-русскомъ языкѣ. Небольшого труда ему стоило бы исправить языкъ рефератовъ своихъ товарищей, изъ которыхъ, впрочемъ, одни, напр., гг. профессора Колесса и Студиньскій, какъ слависты, могли вынести знаніе обще-русскаго литературнаго языка изъ семинаріи профессора И. В. Ягича, подъ руководствомъ котораго изучали въ Вѣнѣ славянскую филологію, другіе же по одному тому не могутъ не знать русскаго языка, что занимающее ихъ изученіе южно-русской старины непременно опирается на близкое знакомство съ ученой литературой на обще-русскомъ языкѣ. Наконецъ, если бы кто изъ пріѣзжихъ галичанъ затруднялся излагать на чистомъ литературномъ языкѣ и

прибѣгаль къ областнымъ словамъ и оборотамъ, никто бы этого ему въ вину не поставилъ. Стало быть, дѣло не въ недоступности обще-русскаго языка, а кое въ чемъ другомъ. Очевидно, что представители «Товариства» настаивали на допущеніи на съѣздѣ своего «українсько-русько-го» языка не потому, что они не могли бы участвовать въ съѣздѣ безъ удовлетворенія этого требованія, а потому, что они непременно хотѣли получить возможность открыто, оффиціально пропагандировать сочиняемый ими научный «українсько-руський» языкъ и добиться сачкціи этого языка на русскомъ ученомъ съѣздѣ, въ главномъ просвѣтительномъ центрѣ Южной Руси, въ стѣнахъ университета св. Владиміра, въ присутствіи инославянскихъ ученыхъ. Такъ какъ это пламенное желаніе галицкихъ сепаратистовъ не осуществилось, то они устроили упомянутую шумную демонстрацію, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ способомъ обратить вниманіе въ Россіи на свое «Товариство» и преслѣдуемая имъ тенденція. Насколько успѣшнымъ оказался этотъ маневръ—пока судить преждевременно, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ принести «Товариству» скорѣе дурную славу, чѣмъ хорошую.

Наконецъ, нужно отмѣтить еще одну прискорбную сторону въ описанномъ «украинско-русскомъ инцидентѣ». Неосновательныя притязанія «Товариства» нашли себѣ сильную поддержку у

нѣкоторыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ съѣзда. Лица эти, по какому-то странному недоразумѣнію принявъ подъ свое покровительство возбужденный «Товариствомъ» вопросъ и не успѣвъ добиться рѣшенія его, которое было бы пріятно «українсько-руськимъ сепаратистамъ», нашли возможнымъ публично выражать сожалѣніе по поводу такого исхода дѣла. Такъ, въ заключительномъ докладѣ г. предсѣдателя съѣзда, между прочимъ, читаемъ: «Пріѣхало бы (иностранныхъ ученыхъ) и больше, если бы неожиданно поднятій вопросъ объ опасности, представляемой галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, славянамъ, принять участіе въ нашихъ работахъ»; и въ другомъ мѣстѣ: «Остались недоложенными всѣ рефераты галицкихъ ученыхъ, которые, по извѣстнымъ съѣзду причинамъ, были лишены возможности принимать участіе въ работахъ съѣзда».

Эти сужденія г. предсѣдателя съѣзда, съ особымъ удовольствіемъ подчеркнутыя «Кіевскою Стариною» и галицкими сепаратистскими изданиями, могутъ вызывать только недоумѣніе. Да что же главнымъ образомъ помѣшало галицкимъ ученымъ, т. е. собственно членамъ львовскаго «Товариства», пріѣхать въ Кіевъ на съѣздъ и читать свои доклады? Вѣдь они получили такія же привѣтливья приглашенія, какъ и инославянскіе ученые, и встрѣтили бы въ Кіевѣ такой

же ласковый пріемъ, какой былъ оказанъ болгарамъ, чехамъ, полякамъ... Препятствіе къ участію въ съѣздѣ они выдумали сами, такъ какъ громко и демонстративно заявили, что не пріѣдутъ на съѣздъ, потому что не хотятъ подчиняться дѣйствующимъ правиламъ о языкахъ. Настоящихъ же помѣхъ, какъ показываютъ вышеприведенныя данныя, было двѣ: непріязненное и пренебрежительное отношеніе членовъ «Товариства» къ обще-русскому литературному языку и русской наукѣ и настойчивое преслѣдованіе ими цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой. Но если это такъ, то стоитъ ли жалѣть о томъ, что подобные члены русской семьи не принимали участія въ съѣздѣ? Они не скрываютъ своихъ явно-враждебныхъ чувствъ къ намъ, оскорбляютъ насъ, а мы за ними ухаживаемъ и ради нихъ готовы пожертвовать самыми успѣхами научной стороны съѣзда. Не съ большимъ ли правомъ слѣдовало бы пожалѣть о томъ, что на съѣздѣ, въ виду притязаній, заявленныхъ украинофилами, отсутствовали другіе представители науки въ Галицкой и Буковицкой Руси, тѣ, которые стоятъ за обще-русское литературное единство и не могли явиться въ Кіевъ со своими рефератами, боясь, по ихъ словамъ, быть свидѣтелями офіціального признанія со стороны русскихъ ученыхъ за «українсько-руськимъ» языкомъ правъ второго научнаго и обра-

зованнаго языка русскаго народа. Объ этихъ ученыхъ, однако, и не вспомнили тѣ наши руководители дѣлами съѣзда, которымъ непременно хотѣлось сдѣлать пріятное галицкимъ сепаратистамъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что галичане, ратующіе за сохраненіе культурнаго единства своего народа съ остальною Русью, должны быть ближе и дороже намъ тѣхъ галичанъ, которые, по выраженію Кулиша, хотягъ, во что бы ни стало «половинити» Русь. Какъ бы то ни было, поддержка, найденная «Товариствомъ» у лицъ, стоявшихъ во главѣ съѣзда, получила для него значеніе хорошаго возмездія за неудачу, постигшую проектъ открытой пропаганды «українсько-руського» языка въ собраніяхъ съѣзда. Этой поддержкой, вѣроятно, отчасти и объясняется возможность проявленія со стороны українофиловъ и сепаратистовъ той удивительной невѣжливости и грубости, о которыхъ было сказано выше.

Такимъ является въ истинномъ своемъ свѣтѣ пресловутый инцидентъ съ «українсько-руськимъ» языкомъ «Товариства», вызвавшій столько превратныхъ сужденій въ нашей печати. Рассматривая его съ объективной точки зрѣнія, нельзя не видѣть въ немъ и положительной стороны. Она заключается въ томъ, что теперь передъ русскими людьми, мало посвященными въ галицко-русскія отношенія, прекрасно рас-

крылись истинныя цѣли и задачи дѣятельности «Науковаго Товариства имени Шевченка» и группирующихся около него галицкихъ и буковинскихъ дѣятелей. Въ виду этого на будущее время русское образованное общество и русскіе ученые учрежденія, съѣзды и собранія, конечно, будутъ осторожнѣе въ выраженіи вниманія и братской привѣтливости къ извѣстнымъ зарубежнымъ землякамъ, таящимъ въ себѣ подъ прикрытіемъ науки непонятную фанатическую вражду къ Россіи, русскому языку и русской образованности.

VII.

Чѣмъ и какъ помочь зарубежной Руси въ переживаемой ею культурной борьбѣ?

Вопросъ этотъ долженъ самъ собой возникать въ умѣ читателя при размышленіи о современномъ положеніи дѣлъ въ зарубежной Руси, какъ оно очерчено въ предшествующемъ изложеніи. Отвѣтъ на него является вполне естественнымъ заключеніемъ всего разсужденія.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ достаточно выясняется сущность внутренняго кризиса, переживаемаго вѣгвью малорусскаго народа, обитающей въ предѣлахъ Австро-Угріи. Къ невзгодамъ, вытекающимъ изъ условій политической жизни въ чужомъ государствѣ и подъ гнетомъ чужихъ народностей, присоединяется страшная вражда своихъ же образованныхъ классовъ изъ-за вопроса о книжномъ языкѣ и объ отношеніи Галицкой, Буковинской и Угорской Руси къ обще-русской литературѣ и образованности. Между тѣмъ какъ одна часть образованныхъ

круговъ общества и масса простого народа не отдѣляютъ себя отъ цѣлага русскаго народа, входящаго въ составъ русскаго государства, и желаютъ сохранить съ нимъ духовную связь черезъ употребленіе общаго литературнаго языка и широкое усвоеніе русской литературы, другая часть интеллигенціи, слѣдуя украинофильскимъ тенденціямъ, отрицаетъ обще-русское единство въ области науки и литературы и стремится къ созданію особаго научнаго и образованнаго языка на почвѣ мѣстнаго галицко-русскаго нарѣчія. Борьба между этими двумя противоположными литературными и политическими теченіями, рѣзко проявляющаяся въ печати, въ собраніяхъ политическихъ, ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, вносящая разладъ въ среду молодежи, учащейся въ высшихъ школахъ, перенесена уже въ среднюю школу и всюду запечатлѣна страстностью и крайней неразборчивостью средствъ, которыми пользуются сторонники украинофильскихъ тенденцій съ цѣлью ослабленія своихъ противниковъ *). Такіе внутренніе раздоры въ средѣ русскихъ образованныхъ круговъ только

*) Достаточно припомнить раскрытый недавно (въ концѣ 1899 г.) въ Черновицкомъ судѣ присяжныхъ фактъ преслѣдованія учителями-украинофилами 35 гимназистовъ-подростковъ за изученіе ими русскаго литературнаго языка. Ср. мою статью въ «Кіевлянинѣ» 1900 г. № 38. «Преслѣдованіе буковинскихъ гимназистовъ за русскій языкъ и «москвофильство».

на руку какъ центральному вѣнскому правительству, такъ и господствующимъ въ государствѣ народностямъ — нѣмцамъ, полякамъ и мадьярамъ, — не имѣющимъ основаній желать успѣховъ въ области культурнаго развитія той части русскаго народа, которая попала подъ ихъ опеку.

Спрашивается: какъ же должно относиться къ такому порядку вещей въ зарубежной Руси наше образованное общество? Должно ли оно оставаться пассивнымъ зрителемъ невзгодъ этой Руси, всецѣло предоставивъ ее собственной участи, или же, напротивъ, ему слѣдуетъ прійти къ ней на помощь въ переживаемомъ ею кризисѣ, и въ такомъ случаѣ въ чемъ могла бы выразиться эта помощь?

Само собой разумѣется, что о возможности полного безучастія русскаго образованнаго общества къ положенію дѣлъ въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси не можетъ быть и рѣчи. Какъ въ историческомъ, такъ и этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ эта Русь связана такими тѣсными узами съ нашею Южною Русью, что считать ее для себя чужой и тѣмъ болѣе чураться ея мы не имѣемъ никакого права. Если иногда случается, что наше общество и печать мало обращаютъ вниманія на то, что дѣлается по ту сторону западной границы у самыхъ близкихъ нашихъ единоплеменниковъ, то это явленіе несомнѣнно нужно считать ненормальнымъ и вре-

меннымъ. Вообще же нужды и интересы, радости и печали зарубежной Руси всегда были и должны быть близки каждому русскому сердцу, и оказаніе ей возможной помощи въ нужную минуту является для насъ прежде всего дѣломъ нравственнаго долга.

Но къ этическимъ мотивамъ присоединяются и практическія соображенія. Происходящая въ предѣлахъ зарубежной Руси культурная борьба близко касается интересовъ всего русскаго народа и русскаго государства. Съ одной стороны, отстаиваемое старорусской партіей широкое распространеніе обще-русскаго литературнаго языка имѣетъ прямое отношеніе къ успѣхамъ русской образованности, а эти успѣхи должны быть дороги каждому русскому человѣку. Съ другой стороны, дѣятельность галицкихъ и буковинскихъ украинофиловъ, имѣющая цѣлью, по собственному ихъ признанію, выработать особый «украинско-русьскій» научный и образованный языкъ не только для Австро-Угорской Руси, но и для всего малорусскаго народа, затрогиваетъ вопросъ о культурномъ единеніи всѣхъ вѣтвей русскаго народа въ общемъ литературномъ языкѣ, опять вопросъ, къ которому не можетъ относиться равнодушно русскій человѣкъ, думающій о благѣ и величіи своей родины и своего народа.

Итакъ, оказаніе помощи зарубежной Руси со стороны нашего образованнаго общества — дѣло

первой и настоящей необходимости. Относительно того, въ какомъ направленіи должна идти эта помощь и какое изъ двухъ указанныхъ литературныхъ движеній имѣеть право на нашу поддержку,—не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Изъ всего предшествующаго изложенія вполне ясно, въ чемъ заключается дѣйствительная настоящая духовная нужда зарубежной Руси. Прежде всего и больше всего эта Русь нуждается въ облегченіи ей доступа къ пользованію богатой русской литературой и къ участию въ общерусской образованности. Правительство и особенно украинофильская партія ставятъ разныя препятствія на пути осуществленія этого вполне естественнаго стремленія. Наше дѣло — пойти ему навстрѣчу, насколько это возможно при существующихъ международныхъ отношеніяхъ.

Наша помощь можетъ выражаться въ формѣ совершенно безобидной съ политической точки зрѣнія, именно въ той самой, въ какой подобная помощь издавна идетъ, на примѣръ, отъ нѣмцевъ Германской имперіи къ нѣмцамъ Австріи. Постараюсь указать нѣсколько важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе удобоисполнимыхъ способовъ поддержки, которая могла бы быть оказана съ нашей стороны зарубежной Руси въ настоящемъ ея трудномъ положеніи.

1. Главнымъ борцомъ за общерусскій литературный языкъ въ зарубежной Руси является

извѣстная часть галицкой и буковинской печати, издающейся на русскомъ же языкѣ, какъ-то: «Галичанинъ», «Живое Слово», «Русское Слово», «Страхопудъ», «Православная Буковина», «Буковинскія Вѣдомости» и другія изданія. Вотъ и постараемся прежде всего поддержать эти изданія не только распространеніемъ ихъ въ Россіи черезъ подписку и обмѣнъ на наши періодическія изданія, но также непосредственнымъ участіемъ въ самыхъ изданіяхъ своимъ литературнымъ трудомъ, постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудничествомъ. Если украинофильскія и сепаратистскія изданія Галичины и Буковины получаютъ подобную поддержку изъ нашей Украины, то вполне естественно, чтобы и русская зарубежная печать, открыто ратующая за общерусскій литературный языкъ также получала извѣстную помощь отъ той Руси, которая не сочувствуетъ украинофильскимъ и сепаратистскимъ тенденціямъ. При такомъ участіи отношеніи нашего общества, особенно нашихъ публицистовъ и журналистовъ, къ указаннымъ зарубежнымъ русскимъ изданіямъ несомнѣнно улучшится ихъ внѣшняя и внутренняя сторона и мало-по-малу сгладятся мелкія цѣловкости и шероховатости употребляемаго въ нихъ литературнаго языка. Все это, конечно, усилитъ значеніе ихъ на мѣстѣ и укрѣпитъ связь ихъ съ нашею періодической печатью.

2. Учащаяся въ высшихъ школахъ молодежь Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, не сочувствующая стремленіямъ украинофиловъ и сепаратистовъ, имѣетъ три своихъ студенческихъ кружка: «Другъ» во Львовѣ, «Карпаты» въ Черновцахъ и «Буковина» въ Вѣнѣ. Эти кружки, конечно, не пользуются особымъ покровительствомъ властей; они очень бѣдны и не обладаютъ средствами, чтобы выписывать въ достаточномъ количествѣ русскіе книги и журналы. Придемъ къ нимъ на помощь въ этомъ важномъ дѣлѣ. Если наши издатели газетъ и журналовъ, авторы и издатели книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія и художественной литературы станутъ высылать въ каждое изъ упомянутыхъ студенческихъ обществъ по одному экземпляру своихъ изданій, то этой маленькой жертвой они окажутъ большое благодѣяніе не только самой молодежи, искренно стремящейся къ ознакомленію съ богатой русской литературой, но и всей зарубежной Руси, которая благодаря такой поддержкѣ получитъ большее число дѣятелей широкообразованныхъ и проникнутыхъ обще-русскимъ сознаниемъ.

3. Такая же помощь русскими книгами, газетами и журналами можетъ быть направлена и въ другія просвѣтительныя учрежденія, находящіяся въ вѣдѣніи сторонниковъ обще-русскаго литературнаго единства, — напр., въ библіотеку

«Народнаго Дома» во Львовѣ, въ Литературно-артистическое общество въ Коломыѣ и въ многочисленные народныя читальни, заведенныя Обществомъ имени Мих. Качковскаго по селамъ и мѣстечкамъ Галичины и Буковины. Организацию дѣла собиранія и разсылки книгъ въ эти и другія учрежденія могли бы принять на себя наши славянскія общества, въ которыя и теперь поступаетъ не мало ходатайствъ о присылкѣ книгъ въ разныя мѣста Галичины и Буковины. Наконецъ, вполне своевременно было бы основать особое общество, которое приняло бы на себя заботы объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ зарубежной Руси.

4. Независимо отъ бесплатной разсылки книгъ необходимо позаботиться о предоставленіи образованному обществу зарубежной Руси возможности приобрѣтать русскія книги у себя на мѣстѣ. Во Львовѣ давно уже чувствуется потребность въ хорошей книжной лавкѣ, которая всегда бы имѣла въ складѣ капитальнѣйшія произведенія русской литературы и своевременно получала всѣ важнѣйшія книжныя новости. Открытіе такой лавки, конечно, должна была бы взять на себя одна изъ наиболѣе крупныхъ нашихъ книгопродавческихъ фирмъ; оказывая тѣмъ большую услугу дѣлу культурнаго развитія зарубежной Руси, такая фирма, навѣрно, и сама не была бы въ убыткѣ.

5. Весьма желательно было бы установление болѣе близкаго общенія между нашими учеными, писателями и журналистами—и дѣятелями въ области науки, литературы и публицистики въ зарубежной Руси, отстаивающими принципъ единства русскаго литературнаго языка. Можно было бы привлечь галицкихъ и буковинскихъ писателей къ участию въ трудахъ нашихъ ученыхъ обществъ, къ сотрудничеству въ нашихъ газетахъ и журналахъ и пр.

6. Большую пользу дѣлу распространенія русскаго литературнаго языка въ зарубежной Руси принесло бы учрежденіе во Львовѣ частной школы типа гимназіи съ преподаваніемъ большей части предметовъ на обще-русскомъ литературномъ языкѣ. Осуществленіе этого предпріятія уже не такъ легко, какъ другихъ, перечисленныхъ выше, но все-таки не представляетъ собой чего-то невозможнаго, неисполнимаго. Нужно только съ нашей стороны побольше энергіи и предпримчивости. Деньги, конечно, также необходимы, но не такія ужъ большія, чтобы ихъ у насъ не нашлось. Несомнѣнно, что подобная школа черезъ самое короткое время стала бы сама оплачивать всѣ расходы по своему содержанію.

7. Наконецъ, не только желательно, но и необходимо болѣе внимательное отношеніе нашей періодической печати къ событіямъ, происходящимъ въ предѣлахъ зарубежной Руси. Наши

газеты и журналы должны возможно чаще напоминать русскому обществу объ этой Руси и своевременно знакомить его со всѣми обстоятельствами происходящей на ея территоріи культурной борьбы. Для «Зарубежной Руси» должна быть отведена постоянная рубрика въ нашей вліятельной ежедневной печати.

Вотъ главнѣйшія и, по моему мнѣнію, легко исполнимыя мѣры, посредствомъ которыхъ русское общество могло бы оказать дѣйствительную помощь зарубежной Руси въ переживаемыхъ ею невзгодахъ. Помощь эта, нравственно подымая и укрѣпляя партію защитниковъ общерусскаго литературнаго единства, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовала бы ослабленію внѣшняго престижа и значенія украинофильской партіи, такъ какъ теперь, въ виду благотворныхъ послѣдствій этой помощи, для многихъ сомнѣвающихся и колеблющихся галичанъ и буковинцевъ вполне выяснились бы, съ одной стороны, все могущество выработаннаго русскаго языка и богатство русской литературы, а съ другой—вся неестественность и беспочвенность фантастическихъ затѣй украинофиловъ-сепаратистовъ.

Будемъ вѣрить, что наше общество и печать отнесутся къ поставленному вопросу не только съ вниманіемъ, но и съ искреннимъ сочувствіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	III
Вступленіе	1
Гл. I. Что такое малорусская рѣчь?	5
Гл. II. Племенное единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и обще-русскій литературный и обра- зованный языкъ	27
Гл. III. Малорусская литература прежде и теперь; от- ношеніе ея къ обще-русской литературѣ	48
Гл. IV. Дѣйствительно ли зарубежная Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская) имѣетъ надобность въ созданіи своего особаго научнаго и образованнаго языка взамѣнъ существующаго обще-русскаго	69
Гл. V. «Наукове Товариство імени Шевченка» и со- здаваемый имъ научный «українсько-руський» языкъ	95
Гл. VI. Попытка пропаганды научнаго «українсько- руського» языка на XI археологическомъ съѣздѣ	126
Гл. VII. Чѣмъ и какъ помочь зарубежной Руси въ пе- реживаемой ею культурной борьбѣ?	154

НѢКОТОРЫЕ ТРУДЫ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- 1) Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб. 1880.
- 2) Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в. Два выпуска: I. Византія во второй четверти XIV в. II. Образованіе Сербскаго царства. Спб. 1882.
- 3) Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Кіевъ. 1888. Ц. 4 р.
- 4) Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки. Кіевъ. 1895. Ц. 3 р. Часть вторая. Сѣверо-западные славянскіе языки. Кіевъ. 1847. Ц. 4 р.
- 5) Политическая и культурная борьба на греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV в. Кіевъ. 1883.
- 6) Гусъ и Виклефъ. Кіевъ. 1884.
- 7) Изученіе болгарской народной старины. Кіевъ. 1885.
- 8) Въ память пятисотлѣтія Косовской битвы. Кіевъ. 1889.
- 9) Новое открытіе въ области глаголицы. Кіевъ. 1890.
- 10) Янъ Амосъ Коменскій, «другъ челоуѣчества». Кіевъ. 1892.
- 11) Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX в. Кіевъ. 1895.